

The background of the image is an antique book cover. It features blind-tooled patterns, including a border of circular medallions at the top and bottom, and larger rectangular panels with intricate designs in the center. A small, rectangular leather label is affixed to the right side of the cover. The leather is aged and shows signs of wear.

В. Г. Васильевский

Лекции по истории средних веков

Библиотека Средних веков

Василий Васильевский

Лекции по истории средних веков

«Алетейя»

1880-1890

УДК 94"653"
ББК 63.3(0)4

Васильевский В. Г.

Лекции по истории средних веков / В. Г. Васильевский —
«Алетейя», 1880-1890 — (Библиотека Средних веков)

ISBN 978-5-91419-010-8

Предлагаемое издание – первая публикация университетского курса по истории средневековой цивилизации профессора Санкт-Петербургского университета В. Г. Васильевского (1839–1899). Лекции охватывают широкий хронологический диапазон – с I по XIII вв., отражают лучшие достижения отечественной и европейской медиевистики XIX века. Богатство исторического материала и его оригинальная интерпретация делают курс Васильевского ценным пособием для начинающего ученого. Широкие круги читателей познакомятся с яркими историческими портретами знаменитых королей, монашеских миссионеров христианства, деятелей средневековой культуры. Римская эпоха во время кризиса и первые варварские королевства, истоки возвышения панства и бунты горожан, кодекс чести рыцаря и взгляды вождя еретиков – всё это и многое другое прослеживается на обширной источниковедческой базе. Лекции выдающегося византиниста В. Г. Васильевского – памятник русской и европейской исторической мысли, ценный источник для изучения истории отечественной науки. Для историков, преподавателей, студентов и широкого круга читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94"653"

ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-91419-010-8

© Васильевский В. Г., 1880-1890

© Алтейя, 1880-1890

Содержание

Предисловие	7
Том I	17
I. Германский или варварский мир. Тацит	17
Общий характер социального быта германцев	17
Сословия	26
Экономический быт. Землевладение	30
Дружина	36
Государственный быт	39
Семейный и религиозный быт	45
II. Борьба двух миров и возрождение империи	50
Маркоманнская война	50
Первый период Великого переселения народов	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Василий Васильевский

Лекции по истории Средних веков

Ответственные редакторы

Г. Е. Лебедева, С. Е. Федоров

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Предисловие

Василий Григорьевич Васильевский

*Книги – корабли мысли, которые странствуют по волнам времени
и бережно несут свой драгоценный груз от поколения к поколению.*
Фрэнсис Бэкон

Публикация лекций академика Императорской Академии наук Василия Григорьевича Васильевского (1839–1899) по средневековой истории Западной Европы открывает малоизвестные нашему читателю страницы творческого наследия выдающегося русского историка. В дооктябрьской России он был основоположником и главой исследовательской школы научного византиноведения, которая завоевала международный авторитет. Главное место в трудах Васильевского занимали проблемы истории Византийской империи и славянских народов, судьбы которых оказались связаны с отечественной историей.

Научное наследие Васильевского, высоко ценимое современниками, не было обойдено вниманием в советской историографии. В 1994 году, юбилейном для российской византологии, академик Г. Г. Литаврин в большой статье, посвященной ученому, писал о его роли в исторической науке: «Среди крупнейших византинистов XIX столетия можно назвать отнюдь не столь много имен ученых, научные заслуги которых были бы признаны столь единодушно и повсеместно, высокий авторитет которых не поколебало бы истекшее время, а исследовательский метод не принимался бы по-прежнему за образец, заслуживающий подражания в наши дни. Бесспорно, к числу таких имен принадлежит и имя академика Василия Григорьевича Васильевского».¹

В течение всей жизни Василий Григорьевич совмещал научно-исследовательскую работу и преподавание. Несколько поколений российских историков и учительства в конце XIX–начале XX века, будучи студентами, начинали знакомиться с актуальными проблемами европейской медиевистики по его лекциям. Студентов историко-филологического факультета Петербургского университета лекционные курсы профессора привлекали глубиной содержания. Один из слушателей, граф П. С. Шереметев, посещавший лекции в 80-е годы, вспоминал о впечатлении от университетских чтений Васильевского: «От них, бесспорно, веяло чем-то правдивым и искренним: соединением тонкого аромата первоисточника с глубокой эрудицией теоретической мысли, и это редкое сочетание делало их особенно ценными».² Лекции Василия Григорьевича были неоднократно литографированы. В 1870-е годы Василия Григорьевича приглашали в Санкт-Петербургскую Духовную академию для преподавания истории «всеобщей гражданской» (историю христианской церкви как отдельный предмет вели только профессора академии). В памяти выпускников надолго осталось интересное изложение событий эпохи Средневековья.³ По лекциям В. Г. Васильевского начинали знакомство с медиевистикой слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов – первого в России женского университета. По приглашению профессора К. Н. Бестужева-Рюмина он читал лекции и исполнял обязанности заведующего историко-словесным отделением (1878–1889). Учебная программа курса, разработанная Василием Григорьевичем, охватывала европейскую историю III–XV веков и по своему содержанию близка университетской. С разрешения профессора лекции были изданы литографическим способом. В качестве учебного пособия их использо-

---

¹ Литаврин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский – основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // Византийский временник. – 1994. – Т. 55(80). – С. 5.

² Василий Григорьевич Васильевский // Санкт-Петербургские ведомости. – 24 мая (5 июня). – 1899. – № 139. – С. 3.

³ Васильевский В. Г. // Церковные ведомости. – 1899. – № 22. – Ст. 882.

вали не только курсистки, но и студенты университетов, даже много лет спустя, после того как он оставил преподавание на курсах. И. М. Гревс, известный русский историк-медиевист, ученик Василия Григорьевича и преемник по кафедре в Петербургском университете, размышляя в 1929 году о значении его педагогической деятельности для российского просвещения, пришел к такому заключению: «Можно сказать с уверенностью, что из бывших его слушателей не только те, которые сами стали профессорами или учеными специалистами, чтит его память и с удовлетворением и благодарностью сознавали себя в известном смысле его духовными питомцами», но также и «многие из тех, кто трудился на педагогическом поприще, учителями истории, литературы или древних языков».⁴

Лекционные курсы В. Г. Васильевского по истории средневековой Европы в настоящее время привлекают к себе внимание как памятник исторической мысли своей эпохи. Круг развиваемых в лекциях идей – это суждения великого русского ученого по актуальным проблемам медиевистики второй половины XIX века. В связи с этим их изучение открывает новые грани в понимании процессов преемственности научной мысли XIX и XX веков.⁵

Для истории отечественной науки существенно важно, что оказывается заполненной лакуна в наших представлениях об уровне исторического образования и преподавания в России XIX века. До сих пор о содержательной стороне подготовки историков-медиевистов широкие круги исследователей могли судить только по опубликованным лекциям Т. Н. Грановского (1813–1855) и П. Н. Кудрявцева (1816–1858), профессоров Московского университета и старших коллег В. Г. Васильевского. Расцвет их учебно-педагогической деятельности приходится на середину XIX века. Сведения о том, чему учили и как учили студентов в университетских аудиториях во второй половине столетия до недавнего времени можно было найти главным образом в воспоминаниях современников. Безусловно, как ученый Васильевский принял и ценил наследие Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева, но теоретические позиции его были иными. Цели, которыми он руководствовался при разработке курсов, соответствовали новому этапу развития европейской исторической науки и были связаны с потребностями образования в пореформенной России.

Избирательный подход советской историографии к научно-педагогическому наследию ученых XIX-начала XX веков проявился в том, что лекционные курсы В. Г. Васильевского, П. Г. Виноградова, В. И. Герье⁶ наряду с многими другими были исключены из повседневного учебного процесса на исторических факультетах университетов. В то время как по воспоминаниям одного из учеников Василия Григорьевича известного византиниста П. Г. Безобразова, взгляды которого на историческую науку, однако, весьма отличались от концепции учителя: «Литографированные лекции по Средним векам надолго по окончании курса делались настольной книгой у всех занимавшихся всеобщей историей. В них можно было найти ясное и критическое изложение различных теорий и исторических взглядов, кроме того, подробную литературу предмета, потому что В. Г. Васильевский обладал обширной эрудицией и зорко следил не только за капитальными явлениями западной литературы, но даже за журнальными статьями».⁷

⁴ Quiescet in pace: к 100-летию со дня смерти В. Г. Васильевского: Глава «Последний год жизни» из неопубликованной монографии И. М. Гревса / Подготовил к печати И. П. Медведев // Византийский временник. – 1999. – Т. 58(83). – С. 117.

⁵ См., например: Российские университеты в XIX-начале XX века: Сб. науч. статей. – Воронеж. Вып. 1. 1993; Воронеж. Вып. 2. 1996; Киреева Р. А. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. – М., 1990; Лантвева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. – М., 1997; Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. – СПб., 1999; Историческая наука в Московском университете, 1755–2004 / под ред. С. П. Карпова. – М., 2004 и другие издания.

⁶ Историографическая оценка лекций В. И. Герье: Кирсанова Е. С. Проблема генезиса западноевропейского феодализма в лекционном курсе В. И. Герье (1870/ 71 г.) // Средние века. – 1982. – Вып. 45. – С. 196–211.

⁷ Безобразов П. В. В. Г. Васильевский // Византийский временник. – 1899. –Т. VI. – Вып. 3–4. – С. 650.

Научно-педагогическая деятельность В. Г. Васильевского связана прежде всего с Санкт-Петербургским университетом – около тридцати лет он работал на историко-филологическом факультете (1870–1899). Он искренне любил университет, хорошо знал его проблемы, неравнодушно относился к переживаемым университетом трудностям и радовался успехам. Путь в замкнутую корпорацию профессуры столицы не был легким.

Василий Григорьевич родился 20 января 1838 года в семье священника небольшого села Ильинское-на-Соти Любимского уезда Ярославской губернии. Его отец, обремененный большой семьей, на свои доходы смог обеспечить только первые годы пребывания сына в уездном духовном училище. В последующее время и в училище, и в Ярославской духовной семинарии (1852–1856) Васильевский учился за казенный счет. Рано проявившиеся способности к гуманитарным наукам получили развитие во многом благодаря личным качествам его характера: настойчивости, трудолюбию, упорству. Он очень любил латинский и греческий языки, много читал. Накануне выпуска из семинарии Васильевского отличали блестящие успехи по всем предметам, примерное прилежание и безупречное поведение. Ректор Ярославской семинарии архимандрит Иустин ценил талантливого ученика и убеждал продолжать образование в духовной академии.

Однако Василий Григорьевич поехал в Петербург и, выдержав экзамены, стал студентом историко-филологического факультета Главного Педагогического института (1856–1859). В последующие два года, ввиду реорганизации института, он посещал занятия на историческом отделении Петербургского университета и педагогических курсах при университете. В студенческие годы определилась область будущей научной деятельности Васильевского – всеобщая история. В начале 1862 года император Александр II удовлетворил ходатайство Министерства народного просвещения об отпуске средств из казны для обеспечения способных к занятию наукой выпускников университетов, отправляемых на учебу за границу. В первую группу молодых дарований был включен Василий Григорьевич Васильевский, командированный за границу для специальной подготовки по всеобщей истории.

Во время зарубежной стажировки (1862–1864) Васильевский знакомился и осваивал последние достижения современной ему европейской медиевистики в лучших университетских центрах Германии и Швейцарии. Заметим, что кандидаты самостоятельно определяли программу занятий и о ходе ее выполнения обязаны были информировать министерство. В одном из первых официальных отчетов Василия Григорьевича о работе за границей читаем: «Хотя мои основные усилия направлены на антиковедение..., считаю обязательными для себя и занятия медиевистикой». Судя по содержанию других отчетов, вначале он выбрал для посещения занятия многих преподавателей, в том числе известных специалистов по истории Средневековья. Однако некоторые лекции «скоро перестал посещать», поскольку счел их малосодержательными, другие – «слушал с интересом... и получил большую пользу для себя». Среди последних Васильевский особо выделил лекции знаменитых в Европе ученых И. Г. Дройзена (по актуальным и мало разработанным проблемам позднего европейского Средневековья и методологии истории) и Р. Г. Гнейста (по политической истории раннефеодальной Англии), прослушанные в Берлинском университете, а в Лейпциге – чтения профессора В. Рошера, одного из основоположников нового, быстро набиравшего силу в те годы «историко-экономического» направления в немецкой исторической науке. Основательную школу историко-филологических приемов и методов исследовательской работы с античными и раннесредневековыми письменными памятниками начинающий ученый и «кандидат на занятие профессорской должности по всеобщей истории Василий Васильевский» прошел в семинарах, которые вел выдающийся европейский историк XIX века Т. Моммзен (римское право и история государственных учреждений). Он слушал лекции крупного архивиста и публикатора профессора Ф. Яффе по римской и средневековой хронологии, а на его семинарах изучал латинскую палеографию и дипломатику IX–XII веков. Посещение семинаров профессора А. Шмидта оказалось

полезным для получения практики источниковедческого исследования памятников средневекового права.⁸

Весной 1870 года, вскоре после блестящей публичной защиты магистерской диссертации в собрании ученого совета Петербургского университета, Васильевский был утвержден в должности «доцента по кафедре всеобщей истории» на историко-филологическом факультете с обязанностью «чтения лекций по Средней истории».⁹ Первую лекцию в университетской аудитории Василий Григорьевич прочитал 2 октября 1870 года. Одновременно для студентов старших курсов, он начал вести специальный курс по источниковедению истории крестовых походов. Разносторонняя специальная подготовка Васильевского позволяла руководству факультета надеяться на существенные перемены в преподавании истории Средних веков как учебной дисциплины и ожидать активизации исследовательской работы по медиевистике.

До появления на факультете Васильевского чтение лекций по средневековой истории поручали профессорам разных кафедр, а временами учебные занятия вообще отменяли из-за отсутствия преподавателя. Неудовлетворительное положение с преподаванием предмета было особенно заметно на фоне успехов университетских кафедр славистики и антиковедения. Профессор И. И. Срезневский, один из основоположников русской филологической науки, знаток славянской палеографии и археографии, в те годы декан историко-филологического факультета, читал специальные курсы по кафедре славянской филологии. С приходом В. И. Ламанского – историка широкого диапазона исследовательских интересов – преподавание славистических дисциплин расширяется и углубляется. Лекции по русской истории читали профессор К. Н. Бестужев-Рюмин и разделивший с ним эту обязанность (с 1871 года) Е. Е. Замысловский – знаток древнерусского права и средневековой русской истории, который с увлечением занимался исторической географией русского и западного Средневековья, новым тогда научным направлением. Благодаря усилиям профессора Ф. Ф. Соколова – основоположника историко-философского направления и И. В. Помяловского – филолога-классика, эпиграфиста и палеографа, менялось положение в антиковедении.¹⁰

Вступая на университетскую кафедру, Васильевский отчетливо видел и понимал причины отставания русской медиевистики от уровня развития этой области исторического знания в других странах Европы (особенно в Германии, Франции, Англии), и вряд ли заблуждался насчет того, что разрыв можно преодолеть за короткий срок. Огромной его заслугой стала коренная перестройка всей учебной работы по предмету. Так называемый «общий» лекционный курс по истории средневековой Европы, который по существующим в российских университетах правилам обязаны были посещать все студенты, В. Г. Васильевский наполнил актуальным материалом современной историографии; для слушателей, избравших историю как предмет специализации, он разрабатывал дополнительные курсы по узкоспециальным и ключевым проблемам (например, «История Англии в средние века», «История Франции при королях из дома Валуа», «История городов и городских учреждений в средние века», «Источники по истории крестовых походов», «Второй крестовый поход» и другие). Очень важно, что впервые в практику российского университетского образования была включена подготовка специалистов-исследователей по византиноведению. Василий Григорьевич разработал первые специальные курсы византийской истории и проводил практические занятия по источниковедению и историографии Византии.

В Петербургском университете он ввел специальные занятия по проблемам Средневековья, так называемые «исторические семинарии». Это был особый вид аудиторных занятий со

⁸ См.: Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. I. – СПб., 1863; Ч. II. – СПб., 1863; Ч. III. – СПб., 1864.

⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6717. Л. 32.

¹⁰ См. о кафедре древней истории: *Фролов Э. Д.* Указ. соч. Ч. II. Гл. 4.

студентами-историками, на которых под руководством Василия Григорьевича они занимались чтением и разбором оригинальных письменных памятников, постигая тонкости латинской и греческой палеографии и осваивая специальные приемы источниковедческого исследования. Впервые такого рода учебные занятия появились в университетах Германии еще в середине XIX века по инициативе Л. Ранке и Г. Зибеля, крупных историков и организаторов исторической науки. Важным свидетельством плодотворности этого начинания явились успехи немецкой исторической школы в научной разработке большого комплекса известных письменных источников Средневековья, а также введение в научный оборот массы новых документов. Опыт Германии использовали в учебных заведениях Франции, Англии и других стран Европы. В практике учебного процесса российских университетов начала 1870-х годов положение было иное: умения и навыки исследовательской работы с историческим материалом студенты могли получить только на индивидуальных занятиях с профессорами, которые преподаватели проводили у себя на дому в виде исключения.

Немалые усилия приложил Васильевский к тому, чтобы семинары по средневековой истории стали постоянным видом учебных занятий для историков и были включены в расписание обязательных занятий на факультете. Академик С. Ф. Платонов вспоминал: «В особенности любовались мы Васильевским в специальной аудитории (в семинарии), где... он раскрывался вполне, не смущаемый многолюдством и не связанный лекционной формой изложения. Загромоздив кафедру принесенными их дому и из университетской библиотеки книгами и рукописями, он начинал свою беседу о каком-нибудь эпизоде византийско-готских или византийско-русских отношений, ставя нас лицом к лицу с текстом первоисточника и наглядно показывая, как из этого текста извлекался исторический вывод, иногда большого интереса и значения. Мы вступали в самый процесс ученого исследования и творчества и начинали понимать завлекательную прелесть успешного научного труда».¹¹ Школу источниковедческой подготовки на материале средневековых памятников прошли многие ученые, труды которых составляют гордость русской исторической науки, в том числе: С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, И. М. Гревс, С. И. Жебелев, Т. Д. Флоринский, Н. М. Бубнов.

Полный общий курс Средневековой истории европейских стран, который был разработан Васильевским для студентов историко-филологического факультета Петербургского университета, охватывал четыре учебных семестра и состоял из четырех частей. Первая часть включала обзор положения древнейшего населения Европы и римских завоеваний, проблем романизации провинций и кризиса античного общества. Вторая часть курса была посвящена истории отношений варварского мира и Римской империи в I–IV веках, дискуссионным вопросам позднеантичной эпохи, а также событиям VI–начала IX веков. В третьей части Васильевский показывал специфику феодальных отношений, рассматривал генезис средневекового города и политическую историю IX–XII веков. Четвертая часть общего курса включала историю феодальных государств Европы в XIII–XV веках. После введения в 1884 году нового университетского устава изменились не в лучшую сторону учебные планы, количество аудиторных занятий по предмету значительно сократилось. Судя по учебной программе, которую Васильевский разработал в соответствии с новыми требованиями, структура общего лекционного курса не изменилась. Он корректировал содержание лекций, сокращая или увеличивая время на чтение отдельных разделов.

Настоящая публикация воспроизводит первые записи студентами историко-филологического факультета второй и третьей частей общего курса лекций, которые были литографированы в 1880-е годы. К этому времени Василий Григорьевич уже приобрел опыт преподавания в столичном университете и не раз апробировал подготовленный материал в студенческой

¹¹ РНБ. Ф. 585. Оп. 7. Д. 1211. Л. 10.

аудитории. Самостоятельность и творческий поиск, отличавшие Васильевского-исследователя, в полной мере были присущи ему и как преподавателю. Он был убежден, что элементарные знания по предмету студенты могут получить при самостоятельном изучении литературы, и во время занятий рекомендовал слушателям издания, которые считал лучшими или наиболее полезными. Свои лекции Василий Григорьевич постоянно пополнял новым конкретно-историческим материалом, наработанным в науке. Он знакомил студентов с результатами собственных научных исследований, акцентировал их внимание на дискуссионных вопросах и мало изученном материале, переводил средневековые источники на русский язык, чтобы они были доступны не только студентам-медиевистам. Понимая историческое знание в целом как изменяющийся во времени процесс открытия и познания историками прошлого человечества, он был убежден в относительности любой исторической теории. В общие курсы лекций Василий Григорьевич включал историографические обзоры, считая их необходимым элементом общеисторической подготовки студента. В воспоминаниях профессора И. М. Гревса о научно-педагогической деятельности Васильевского особо выделена такая черта личности профессора: «Василий Григорьевич не любил повторений в своих университетских беседах с кафедры. Трудно было бы представить себе его читающим из года в год то же самое, как считают полезным иногда делать некоторые другие профессора, даже напечатав собственные прекрасные руководства. Отдельные курсы его носили, поэтому ярко индивидуальный отпечаток».¹²

Таким образом, благодаря деятельности В. Г. Васильевского, в течение последней четверти XIX века в Петербургском университете общий курс по истории Средневековья стал важным элементом исторического образования всех студентов историко-филологического факультета, качественно изменилась методика преподавания. Кафедра всеобщей истории обеспечивала подготовку специалистов с высокой исследовательской техникой и знанием новейшей историографии, способных разрабатывать узкоспециальные темы, актуальные в европейской историографии Средневековья и византологии. Отмеченный историографией подъем российской медиевистики в первой четверти XX века напрямую связан с научно-педагогической деятельностью и традициями, заложенными В. Г. Васильевским в Петербурге, В. И. Герье и П. Г. Виноградовым в Москве.

В лице В. Г. Васильевского на историко-филологическом факультете появился первый преподаватель, который, во-первых, имел великолепную специальную подготовку по антиковедению и медиевистике, во-вторых, выбрал медиевистику для научных исследований, отдавая приоритет истории Византии, о проблемах которой в историографии тех лет были еще самые неопределенные представления. Он написал более ста пятидесяти работ, опубликованных в разных изданиях. Наиболее ценные труды ученого были переизданы Академией наук.¹³ Первая крупная работа Васильевского «Византия и печенег» (1872) и более поздняя «Из истории Византии в XII в.» содержали новый материал о внешней политике империи и международных отношениях в Европе, освещали историю крестоносного движения. В замечательном цикле исследований по истории русско-византийских отношений IX–XII веков были уточнены многие вопросы, показано международное положение Руси, особенности ее связей с Византией. За эти работы Московский университет присвоил Васильевскому почетную степень доктора русской истории *honoris causa* (1879). Большое значение для византологии и славяноведения имели труды Василия Григорьевича, посвященные истории южных славян, особенно Болгарии XII–XIII веков. Почетное место в историографии российского и мирового византиноведения занимают работы, в которых предметом исследования являются внутренние процессы в Византийской империи VIII–XII веков, в первую очередь, история аграрных отношений, а также широкий круг вопросов политической, социальной, правовой и культурной

¹² Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский – как учитель науки // ЖМНП. 1899. Август. С. 56.

¹³ Труды В. Г. Васильевского. Т. 1–4. СПб. – Л., 1908–1930.

истории. Василий Григорьевич всегда использовал самый широкий круг источников, разрабатывал сложные дискуссионные темы и многое сделал для уяснения специфики Византии. В то же время в его исследованиях убедительно показано, что, несмотря на особенности исторической судьбы, Византийская империя является не архаичным «пережитком» античного мира, а средневековым государством.

Очевидно, что проблематика византиноведческих исследований Васильевского, связана с актуальными темами в западноевропейской историографии Средневековья последней четверти XIX века: генезис феодализма, развитие институтов средневековой государственности, аграрная история в связи с социальной, международные отношения, изучение специальной терминологии. Большие заслуги ученого в области византийского источниковедения были оценены в историографии. Заметим лишь, что, изучая византийские и славянские источники, Васильевский не «отделял» их от общего круга средневековых письменных памятников, расширяя тем самым источниковедческое поле всей медиевистики.

Василий Григорьевич не оставил концептуальных трудов или крупных монографических исследований по средневековой истории Западной Европы. Некоторые работы отражают характерный для него интерес к исторической конкретике. В статье «Древняя торговля Киева с Регенсбургом» (1888) рассмотрена история торговли и международных торговых отношений в Европе в X–XII веках. Выводы Васильевского убеждали в существовании развитых торговых связей Киева и германских городов. Он обратил внимание и на эволюцию торговых отношений: в X–XI веках инициатива была у русских купцов, в XII веке «дело было иначе: регенсбургские купцы ездили туда и обратно, а Русь вела только пассивную торговлю», а также на особое значение внешней торговли для развития средневекового города.¹⁴ Исследование «Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным» (1889) содержит источниковедческий анализ такого сложного комплекса источников, как публицистика. На основе многочисленных архивных материалов подготовлена большая работа «Очерк истории города Вильны» (1872–1874). По мнению Васильевского прибалтийский средневековый город имел определенные черты сходства с западноевропейским (германским) городом. По воспоминаниям учеников Василия Григорьевича его особенно интересовала история скандинавских стран и раннесредневековой Англии.

Как член Ученого Комитета при Министерстве народного просвещения по Всеобщей и Русской истории (1874–1890), Васильевский многое делал для того, чтобы библиотечные фонды учебных заведений России пополнялись лучшими учебными пособиями и научно-популярной литературой, полезной для процесса организации обучения и интересной для учащихся. По представлению Василия Григорьевича Академия наук удостоила Большой премии имени Петра Великого пособие профессора М. Н. Петрова «Лекции по всемирной истории». Немало содействовал Васильевский выходу в свет серии «Книга для чтения по истории средних веков», инициатором подготовки и редактором которой был профессор Московского университета П. Г. Виноградов.

Последние десять лет жизни (1890–1899) Василий Григорьевич особенно много сил и внимания отдавал научно-организационной работе. Как главный редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1890 года), он значительно повысил научный уровень публикуемых на его страницах исследований по истории. В. Г. Васильевский был основателем и редактором журнала «Византийский временник» (1894–1899) – первого и единственного в дооктябрьской России специального научного издания Академии наук по истории. В 1994 году научная общественность торжественно отметила 100-летний юбилей журнала.

Василий Григорьевич Васильевский скончался в 1899 году во Флоренции, где находился на лечении. Он оставил яркий след в памяти и судьбах людей, которые с ним встречались, о

¹⁴ Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Ч. 258. Отд. II. С. 144.

чем свидетельствуют воспоминания коллег и учеников. В этом отношении показательно мнение Л. Н. Майкова, который многие годы был близко знаком с Василием Григорьевичем: «Да, скромность, поистине феноменальная, и полнейшее желание не выставлять свою личность на показ служили отличительной чертой его характера. А между тем, в ряду учено-литературных деятелей того литературного поколения, к которому он принадлежит, мало можно назвать людей столь же богато одаренных и умевших так же плодотворно употребить свои дарования на пользу русской науки и просвещения».¹⁵

Университетский курс лекций В. Г. Васильевского по истории средневековой Европы до 1917 года в полном виде типографским способом не был опубликован, хотя многие выпускники университета высказывали такое пожелание. Научные исследования Василия Григорьевича свидетельствуют о том, что он предъявлял к себе как ученому высокие требования. Его работы написаны прекрасным литературным языком и с интересом читаются не только профессионалами-историками. Столь же строго он подходил к возможности появления в широкой печати своих университетских чтений. Для «Журнала Министерства народного просвещения» Васильевский подготовил большую статью «Вопрос о кельтах» (1882–1883), которая представляла собой основательную переработку фрагмента из первой части общего курса. Он хотел публиковать лекции именно в таком виде – обновленными и дополненными новым материалом. Однако замысел остался неосуществленным.

После 1917 года положение в российской науке изменилось. Ряд причин, которые следует отнести к разряду мировоззренческих, и утвердившиеся в связи с этим историографические подходы вели к упрощенной оценке научного наследия ученых дооктябрьской России. В обобщающих работах, опубликованных во второй половине XX века дана краткая характеристика исторической концепции Васильевского, а заслуги в становлении и развитии медиевистики в России, по существу, не показаны. Прижизненные литографированные издания университетских чтений представляют библиографическую редкость.

Для настоящей публикации в качестве основного текста использованы литографированные издания Санкт-Петербургского университета за 1882/1883, 1884/1885, частично 1894 и 1896 годов, которые имеют разрешительную запись Васильевского и хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского университета. Кроме того, включены фрагменты из авторизованной литографии 1886/1887 года.¹⁶ Основной текст был сопоставлен нами с литографированными изданиями лекций, которые находятся в фондах Российской национальной библиотеки и библиотеки Академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге, а также в Российской государственной библиотеке и Исторической библиотеке Москвы. Приняты во внимание издания лекционных курсов Васильевского, которые ныне находятся в составе личных фондов некоторых историков, бывших выпускников Петербургского университета. Как оказалось, помимо авторизованных, сохранилось большое количество литографий (1884, 1890, 1894, 1896 годы), сделанных частными издателями и не имеющих разрешительной записи профессора Васильевского, а также есть издания без указания выходных данных. При сравнении литографированных публикаций 1880-х годов с изданиями 1890-х выяснилось, что в последних текст структурирован иначе; фрагменты лекций, где он обращался к историографическому освещению вопроса были частью изъяты, частью сокращены; некоторые разделы содержат меньше материала, чем в изданиях 80-х годов. Также нами принята во внимание ценная информация, уточняющая структуру и тематику университетских чтений, которая содержится в воспоминаниях учеников Василия Григорьевича. Привлечены материалы из личного архива В. Г. Васильевского в собрании Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук (ф. 96), имеющие отно-

¹⁵ Майков Л. Н. Памяти В. Г. Васильевского // Русская старина. – 1899. – Т. 98. – № 6. – С. 581.

¹⁶ В примечаниях к лекциям указаны все данные о литографированных изданиях, которые были использованы при подготовке настоящей публикации.

шение к преподавательской деятельности. Сопоставление прижизненных авторизованных лекционных курсов В. Г. Васильевского, которые были в нашем распоряжении, показало наличие в них разночтений, а также уточнений и дополнений в сравнении с первым изданием. Весь этот материал вынесен в примечания к публикуемому основному тексту.

Историографическая ценность лекций, представляемых нашему читателю, в том, что их текст авторизован. Из этого следует, что прежде чем записи студентов были отданы на литографирование, Васильевский по меньшей мере дважды их просматривал. Порядок изложения исторического материала соответствует сохранившимся учебным программам, которые написаны профессором Васильевским. Вместе с тем необходимо учитывать, что авторизованные литографии основаны на записях студентов и не являются формой изложения, адекватно передающей живое слово, точную мысль лектора. Заметны, например, неполнота выражений, иногда обрыв авторской мысли, разная стилистическая манера передачи устной речи. Некоторые наблюдения Васильевского требуют более развернутой аргументации, которая, по-видимому, присутствовала во время чтения лекций перед слушателями.

Положив в основу хронологического расположения материала курса принципы эволюции и причинности, Васильевский предлагал слушателям такую периодизацию истории Средневековья: первый период – I–V века (переходное время от античной эпохи к средневековой), второй – V–XIII века (собственно «Средние века»), третий – XIII век – рубеж XV и XVI веков (переходный этап от Средних веков к Новому времени). История человечества предстает в курсе лекций как эволюционный процесс: «Зародыши новых явлений кроются всегда в предшествующей эпохе... отдельные явления связаны друг с другом; если взять какое-нибудь явление отдельно от других, то понять его правильно мы будем не в состоянии».

Особого внимания, по его мнению, заслуживают V и XIII век, потому что «сила исторических явлений тогда такова, что с периодом процветания неразрывно бывают связаны и первые моменты падения». В V веке завершается борьба «двух миров» (варварского и Римской империи) и в то же время появляются «средневековые начала». В XIII веке, с одной стороны, «начинают развиваться идеи, которые хронологически должны бы были быть отнесены к Средним векам, а по содержанию своему всего более соответствуют понятиям Новой истории». С другой – одновременно с этим «XIII век был веком полного господства церковно-канонических идеалов, расцвета богословско-аристократической культуры, веком гармонического развития всех заключавшихся в нем сил». В современной исторической науке не утихают дискуссии по вопросу о границах отдельных этапов европейской истории. Хронологические рамки относительной периодизации Средневековья, обозначенные в лекциях Васильевского, выдержали проверку временем.

Обратившись к содержанию лекционного курса можно определить критерии, положенные Васильевским в основу структуризации материала: 1) Средневековье как исторический период ценно само по себе, особенности эпохи необходимо выделять и изучать; 2) переходные периоды между историческими эпохами (от Древнего мира к Средним векам и от последних к Новому времени) представляют собой настолько значимый этап в истории европейской цивилизации, что им должно быть уделено особое внимание.

Изложение материала основывается на сочетании хронологического и проблемно-тематического принципов. Основная тема в области политической истории – становление средневекового государства и его институтов. В соответствии с европейской традицией понимания политической истории учеными XIX века, профессор Васильевский объединяет исторический материал по нескольким направлениям: процесс образования варварских королевств (вестготов, остготов, бургундов, вандалов, лангобардов, англо-саксонские государства); историческая роль личности (Хлодвиг, Теодорих, Каролингов и других правителей); истоки и предпосылки политического кризиса. Центральное место в лекционном курсе Васильевского занимает история Франции. Средневековая история Германии, Италии и Англии представлена менее полно

и широко. При изложении актуальных тем и дискуссионных вопросов, переходящих среди исследователей от поколения к поколению, Васильевский применяет прием историографического освещения материала (проблемы древнегерманского общества, происхождение колоната, генезис средневекового города). Проблематика социальной истории средневековья представлена на фоне лучших трудов современной Васильевскому зарубежной историографии и с комментариями его самого (социальные предпосылки бенефициальной реформы, социальная природа средневековой знати, специфика вассально-ленных отношений, социальные конфликты). Большое внимание в лекциях уделено показу наиболее ярких явлений позднеантичной и раннесредневековой культуры.

Что касается истории католической церкви в средние века, то необходимо учитывать, что курсы церковной истории читали в университете профессора Духовной академии. Василий Григорьевич выбирал для чтений в аудитории такие аспекты исторической жизни церкви, которые необходимы и важны для понимания слушателями общеисторического процесса. Выделяются четыре темы: положение христианской церкви после 313 года и в том числе кризис античного мировоззрения (в качестве примера – блестящий очерк об императоре Юлиане); проблема христианизации варварских народов, включая и такие вопросы, как историческое значение ирландских и англосаксонских миссионеров монашества, типы монастырей, деятельность св. Северина, роль св. Бенедикта и св. Бонифация в истории Западной церкви; историческая обусловленность автократической структуры католической церкви (ее истоки Васильевский видел в росте папской власти при Григории I и его преемниках, а завершение – в союзе папства и Каролингов); наконец, история крупнейших в Европе еретических движений XII века как отражение перемен в религиозном массовом сознании.

Особая притягательность и жизненная сила лекционного курса В. Г. Васильевского – в последовательности его стремления выявить и осмыслить многообразие социальных, экономических, политических связей исторических событий и явлений в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Его лекции наполнены богатым материалом, они интересны для специалистов и студентов, а также широкого круга любителей средневековой европейской истории. Изложение увлекает потому, что это живое выражение мысли талантливого ученого: местами даны результаты его собственных исследований, местами он привлекает выводы других историков, но предварительно им проверенные и обдуманые. Университетский курс В. Г. Васильевского занимает почетное место в истории российского исторического образования.

Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность моим учителям – профессорам Санкт-Петербургского университета Г. Л. Курбатову (1929–2003) и Г. Е. Лебедевой за неизменную помощь и поддержку при подготовке материалов этого издания. Искренне признательна специалистам по классической филологии С. Ю. Крицкой и Л. А. Самуткиной, принявшим участие в технической подготовке к печати отдельных фрагментов латинского рукописного текста. От всей души благодарю Н. А. Емельянову и Д. С. Лысенко, сотрудников Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова, за нелегкий труд первого компьютерного набора с рукописного оригинала текста.

Том I Варвары и Рим

I. Германский или варварский мир. Тацит

Общий характер социального быта германцев

Приступая к рассказу о германцах, начиная рассмотрение этого составного элемента новой цивилизации, мы должны прежде всего остановиться на главном источнике, из которого мы черпаем наши сведения о первоначальном быте «варваров», на небольшом, но замечательном сочинении Тацита «*De origine situ moribus ac populis Germanorum*», познакомиться с содержанием и характером этого лучшего и драгоценного источника, дающего нам подробные и неоценимые сведения для знакомства с первобытным строем общественной и государственной жизни германских племен.¹

«Германия» Тацита включает в себе всего 46 глав, из которых первые 27 составляют общую часть, а последние 19 посвящены описанию отдельных германских народцев, их образа жизни и этнографических особенностей.

Прежде чем передавать сведения, оставленные нам Тацитом о германцах, скажем несколько слов о степени достоверности этих сведений. Вопрос необходимо разъяснить, так как существует много различных мнений относительно самого сочинения, не согласных ни между собой, ни с тем воззрением, которое, по нашему мнению, должно быть принято как более беспристрастное и точное.

Некоторые ученые, во-первых, считают «Германию» не чем иным, как политическим памфлетом, имевшим целью отвратить императора Траяна от предполагавшегося им завоевания этой страны и указать ему на все непреодолимые трудности опасного предприятия. Мнение это, очевидно, несостоятельно, так как нельзя ничем даже доказать, что в 92 году по Рождеству Христову (год появления «Германии» и вместе с тем восшествия на престол Траяна) император имел в виду план похода против варваров.

Второе мнение, очень распространенное, говорит, что сочинение Тацита – намеренная сатира на римские нравы. Проникнутый глубоким уважением к идее о прежней гражданской доблести римлян, полный негодования к современному ему падению нравов в империи, он хотел рельефнее и ярче выставить пороки современников, но не прямой проповедью, а посредством противопоставления их добродетелям германского народа, который он возводит в идеал. Так что, в сущности, Тацит имел в виду не столько изображение быта германских варваров, сколько обличение нравов римлян.

Действительно, нужно сказать, что во многих чертах произведение Тацита есть зеркало, в котором отображается «физиономия» императорского Рима. Настойчивость, с которой он констатирует у германцев отсутствие известных пороков и наличие известных добродетелей, показывает, что при каждом таком случае мысль его переносится к его отечеству. Каждая похвала германцам содержит в себе более или менее открытое обличение, более или менее явную, но всегда горькую печаль и в то же время серьезное предостережение горячего патриота, обращение к погибающим, летящим вниз головой в бездонную пропасть порока римлянам.

В 17, 18 и 19 главах Тацит с особенной похвалой останавливается на добрых нравах германцев, крепости и святости у них семейных уз. «Никто там не смеется над пороком, – говорит Тацит, – и соблазнить и быть соблазненным не считается там светскостью». В той же

главе он говорит, что «германские женщины живут оберегаемые своими добродетелями, без зрелищ, которые бы развращали их, без пиров, возбуждающих чувственность».¹⁷

Очевидно, что когда он говорит таким образом, нельзя не подумать, что перед ним рисуется противоположная описываемой чистоте картина упадка нравов римлян и бессилия различных законодательных мер, которыми во время республики и в первый век империи так тщетно старались остановить зло. В сущности, если мы примем в расчет устройство германских народов или, вернее, поселений и первобытный строй их общественной жизни, то окажется весьма естественным, что германские женщины не были склонны к зрелищам и пирам уже потому, что не знали их совсем и описать это так Тацит мог только с намерением показать противоположность между нравами германскими и римскими. «Из всех варваров, – замечает еще Тацит, – одни только германцы не имеют обычая многоженства, за исключением только очень немногих, которые не вследствие грубой чувственности, а вследствие благородства имеют несколько жен».¹⁸ «Имея одно тело и одну жизнь, – говорит он в другом месте, – женщины точно так же должны иметь одного только мужа и любить в нем супружество гораздо больше, чем супруга».¹⁹ И в этой черте германского народа, вызывающей такую похвалу Тацита, должны мы видеть открытый намек на легкость разводов, на распущенность нравов римлян. Мы можем найти много мест и у других римских писателей того времени, у Ювенала, Горация и даже Овидия, которые могут служить комментариями к только что приведенным выдержкам из Тацита.

Подобных мест, очевидно представляющих сатиру на римские нравы, много можно выписать из Тацита: «plusque ibi boni mores valent, quam alibi bonae leges, – говорит он в 19-й главе, – numerum liberorum finire aut quemquam ex agnatis necare flagitium habetur». Это ясный намек на безнравственный, возмутительный, укоренившийся среди римских женщин обычай вытравления плода, который, естественно, и в голову не мог прийти германцам. Такого же рода те места, где Тацит восхваляет германцев за то, что они не убивают детей, а дети и родственники наследуют имущество без всякого духовного завещания. Понятно, что не мог иметь места у них обычай умерщвления новорожденных, довольно распространенный в древности, отвратительный обычай, против которого восставало и законодательство, и потом христианство. А завещаний у них быть не могло уже потому, что письменность была там мало распространена. Но это последнее замечание получает значение, если мы обратим внимание на дальнейшие слова «пес ulla orbitatis pretia» – холостяки не имели в Германии никакой цены (Germ., 20), тогда как в Риме бездетные старики считались лакомым кусочком, их окружала всегда целая толпа льстецов, прихлебателей, паразитов, которые как манны небесной ждали для себя какой-нибудь крошки в их духовном завещании. Это явление часто осмеивали римские сатирики (см.: Гор. Sat. II. 5; Sat. II. 3).

Конечно, не без намерения автор «Германии» выводит в своей книге такие разительные контрасты. Очевидно, что, описывая у народов, подлежащих его наблюдению, вышеназванные хорошие черты, он необходимо должен был обращаться взором назад, к своему отечеству, и с прискорбием видеть там обычаи и нравы, далеко уступающие по чистоте и нравам варварам. Таким образом, мы должны признать несомненное существование обличительного сатирического элемента в «Германии», но, тем не менее, мы не должны рассматривать это сочинение как исключительно сатирическое. Цель Тацита была не только назидательная, он имел в виду не только представить картину римского общества, только переодетого, travestированного, как говорят некоторые ученые, но задался также целью описать точно и правильно быт германцев и с этой точки зрения сочинение его имеет научное значение: этнографическому и гео-

¹⁷ Germ., 19.

¹⁸ Germ., 18.

¹⁹ Germ., 19.

графическому описанию Германии, очень обстоятельному и подробному, посвящена вся вторая половина его сочинения (девятнадцать последних глав). С большой достоверностью можно предположить, что Тацит имел намерение совершенно объективно представить картину германского быта, но, будучи вместе с тем проникнут чувством глубокого патриотизма, он не мог равнодушно отнестись к пороку и упадку современного ему общества, и невольно иногда тон его описания звучит горькой иронией и искренней скорбью.

Наконец, есть еще ученые, которые держатся третьего, несколько отличного от второго, мнения о содержании и значении «Германии». Они говорят, что это сочинение не что иное, как романтическая утопия, риторическое описание, сентиментальная картина идеального, несуществующего общества – первобытного и неиспорченного, с простыми обычаями и добродетелями в противоположность римскому упадку нравов. В германцах Тацита мы не должны видеть будто бы именно германцев, но варваров вообще, которых не коснулась еще «растлевающая рука цивилизации» и которых Тацит выставлял как идеальный народ, а быт их – как идеальный быт. Таким образом, Тациту приписывается тенденция очень распространенная между романтическими писателями XVIII и XIX веков, например у Руссо и Жорж Санд: как Тацит выставлял в розовом свете германцев, которые, несмотря на некоторую суровость и дикость, энергией, прямоотой ума, простотой сердца стоят гораздо выше римлян, так эти последние выставляли краснокожих индейцев как идеал нравственного совершенства. Согласно этому взгляду мы не должны считать действительными и реальными отдельные черты, очевидно назначенные для более резкого показа контраста во всей картине. Взгляд этот, в общем, односторонен, хотя действительно нужно заметить, что не только Тацит, но и другие римские писатели были проникнуты убеждением, что золотой век лежит далеко позади, в глубокой древности, в отдаленных младенческих годах народной жизни, и сообразно этим взглядам выставляли первобытные племена и варварский быт за образец для печального настоящего. Выражение такого взгляда мы также встречаем и в одном отрывке из «Анналов». Первобытные люди, говорит там Тацит, еще свободные от беспорядочных страстей, вели жизнь чистую, невинную, не имевшую нужды в принуждении и наказании; награды также не были им необходимы, так как они были добродетельны, сами того не сознавая; и так как они ничего не делали против обычая, то ничто не запрещалось им под страхом наказания. Но после того, как равенство исчезло, вместо уверенности и честности воцарились властолюбие и сила, образовались монархии. Точно так же, в тех же выражениях последней главы «Германии», которыми заключается описание бедного и грязного быта феннов, Тацит говорит об их грубой жизни, недостаточном земледелии, полной беспечности относительно будущего, равнодушия к лишениям всякого рода, даже к недостатку в пище и одежде и прибавляет, что они достигли того, что всего труднее достичь, а именно того, что не имеют нужды даже в желаниях.²⁰

Но все же мы не можем сказать, что подобного рода взгляды и выражения выступают в труде Тацита на первый план, составляют его главный характер. Цель сочинения все-таки остается научная, а вышеприведенные особенности представляют только окраску, необходимо вытекающую из его личных воззрений как мыслителя-стоика, как гражданина и человека.

Таким образом, нужно признать в «Германии» и сатирический элемент, направленный к обличению римских нравов, и связанную с этим некоторую цивилизацию черт жизни первобытного племени, объяснение простых и весьма естественных в варварском быту явлений высшими идеями и целями; например, описывая брачные обычаи германцев, он находит в них глубокий нравственный смысл, который едва ли могли осознавать и понимать сами германцы. Все это, конечно, нужно иметь в виду, пользуясь данными из «Германии», но доходить до отрицания этой маленькой, но великолепной книжки было бы излишней и несправедливой крайностью, и немцы основательно гордятся тем, что им выпало на долю найти в такой древности

²⁰ Die Annalen des Tacitus. III, 26; Germ., 46.

замечательного писателя, который так толково, талантливо и подробно описал их первобытный строй. Если бы не было Тацита, замечает Вайтц (Waitz), пришлось бы начинать историю германцев на 500 лет позже, только с тех пор, как появились сочинения Григория Турского и других и как написан был в первый раз свод обычного права у франков Салических. По мнению немецких ученых, известия Тацита настолько определенно и точно указывают на истинные свойства германского народа, обличают такое близкое знакомство автора со страной и ее жителями, что один из комментаторов даже утверждает, что Тацит сам должен был путешествовать по Германии, чтобы знать те многие технические выражения, те частности и тонкости быта, которые он приводит. Последнее мнение преувеличено, но, тем не менее, ясно, что Тацит получал сведения о Германии очень точные, из первых рук.

Перейдем теперь к изложению главных черт германского быта по Тациту. Подробное ознакомление с этим вопросом очень важно и само по себе, и, в особенности, для сравнительного изучения первоначального быта других европейских народов.

Тут нужно обратиться, как к первоначальному пособию, к замечательному сочинению Вайтца (Waitz) «Deutsche Verfassungsgeschichte», которое признают классическим во всей Европе.² В 1880 году вышло третье издание, значительно дополненное и измененное на основании новых трудов по вопросу об исследовании первобытного германского права, авторы которых часто находятся в оппозиции со взглядами Вайтца. Этим последним изданием и нужно пользоваться.

Из других сочинений, содержащих разбор Тацита и изучение древнегерманского быта, укажем на следующие.

1. Ehrhard. Aelteste Germanische Staatenbildung. Leipzig, 1872.

2. Sickel. Geschichte der deutschen Staatverfassung. Halle, 1879.

Последнее сочинение во многом противоречит взглядам Вайтца, но вряд ли можно сказать, что исследование Зиккеля представляет прогресс в науке. Он считает возможным конструировать древнегерманский быт на основании соображений, по аналогии с бытом позднейшим и в этой области дает слишком много свободы своей фантазии, и уже теперь должен был отказаться от многих ранее высказанных им взглядов.

3. По Вайтцу написана глава о быте древних германцев в сочинении Кауфмана: «Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen», 1880.

4. Кроме того, интересен труд Зибеля (Sybel) «Die Entstehung des deutschen Königthums», появившийся в 1881 году вторым изданием в переработанном виде. Зибель доказывает существование родового быта у древних германцев и сильным движущим началом признает влияние римского права; доказывает, что королевская власть образовалась и развилась не внутри германского народа, а вследствие внешнего римского воздействия.

Взгляды Зибеля во многом противоположны со взглядами Вайтца, и еще в 40-х годах между ними возникла горячая и резкая полемика по вопросу о степени культуры древних германцев, причем Зибель, как сторонник родовой теории, доказывал, что предки немцев во времена Тацита стояли на очень низкой ступени развития. Вайтц же утверждал, что они достигли уже довольно высокого государственного и общественного развития и дошел в пылу ученого спора до того, что стал обвинять Зибеля в отсутствии патриотизма. Но потом ученые примирились, о чем сам Вайтц заявляет в первом томе своего труда (издание 1880 года). Родовая теория Зибеля отличается некоторой искусственностью в построении. В русской литературе она отразилась в известной статье Т. Грановского «О родовом быте у древних германцев», помещенной в первом томе его сочинений, а применена была к русской истории в труде профессора Варшавского университета А. И. Никитского «Очерк внутренней истории Пскова» (С.-Петербург, 1873 г.).

5. Затем, очень интересно и важно сочинение Баумштарка (Baumstark) «Ausführliche Erläuterung der Germania des Tacitus». Он много занимался изучением и объяснением тацитов-

ской «Германии» и издал обширное сочинение, критически рассматривающее все сообщаемые Тацитом сведения, причем он не следует порядку изложения Тацита, а располагает данные в своей системе. Это сочинение важное и замечательное, хотя некоторые ученые очень упрекают Баумштарка за неумеренно резкую полемику. После его смерти труд был издан в измененном виде, в виде последовательного объяснения «Германии», по порядку – одной главы за другой, как общей, так и этнографическо-географической части.

6. Лучшее издание Тацитовой «Германии» принадлежит Мюлленгофу, который поместил также выдержки из других древних авторов, сообщающих известия о древних германцах, могущие служить дополнениями и комментариями к Тациту.

7. Из французских сочинений по этому вопросу назовем только Gef-froy: «Rome et les barbares. Études sur la Germanie de Tacite» – ряд хороших лекций, читанных в «Collège de France».³

Перейдем теперь к описанию главных черт германского социального быта, каким его рисует нам Тацит. При изучении «Германии» Тацита мы пойдем сверху вниз: рассмотрим сначала, что связывало германцев в одну общую нацию, затем спустимся к меньшим подразделениям нации, потом к сельскому общинному быту и, наконец, к личному положению отдельного человека.

При описании германских племен Тацит различает:

- 1) нацию;
- 2) племена и колена;
- 3) политические единицы государства, которые он подобно Цезарю называет *civitates*.

Очевидно, что в точном значении понятия германская нация во времена Тацита не существовала, так как отдельные колена не имели никакого единства. Самое слово «*Germani*» не принадлежит немцам. Первоначально этим именем называли их галлы, а потом римляне, и так это слово сохранилось за предками нынешних немцев; сами же германцы не осознавали своего национального единства и не создали на своем языке общего племенного родового названия; это единство раньше заметили их соседи и враги галлы. Они-то сначала и окрестили именем «*Germani*» соседнее с ними и часто нападавшее на них племя тунгров, с которых это название распространилось на все родственные им племена. Существуют различные толкования слова «*Germani*». По мнению одних филологов, это слово значит «громкоголосые люди», «хорошие крикуны», другие же переводят его словом «соседи». Нужно думать, что второе толкование гораздо достовернее. Сами германцы, как сказано, не называли себя никаким общеплеменным именем. Слово «*Deutsch*» позднейшего происхождения; оно входит в употребление не раньше IX века и происходит от прилагательного «*theotisc*», «*theutisc*», «*diutisk*». Первоначально это прилагательное употреблялось только для обозначения языка (*diutisca lingua*) и только потом стало присоединяться и к слову «народ». Оно, вероятно, находится в связи с готским словом *tjod* – народ. Что же касается названия «тевтоны», то римляне обозначали им сначала только одну ветвь обширной германской расы, а именно тот не особенно многочисленный народ, который вместе с кимврами навел некогда еще во времена Марии такой страх на Италию. Впоследствии имя это сделалось в римской литературе книжным названием для обозначения всей германской расы. *Teutonicus* приравнялось к *Germanicus*, но никогда не было народным, то есть распространенным среди самих германских племен; оно вовсе даже не стоит в связи с прилагательным «*thutisc*». Что касается теперешнего употребления слов «германский» и немецкий «*Deutsch*», то нужно заметить, что первое понятие обширнее второго. Под именем «немцев» разумеются только граждане образовавшихся в материковой части срединной Европы государств, в понятие же «германцев» входят, кроме того, и народы скандинавского севера – шведы, норвежцы и датчане, а также англичане. Некоторые из нынешних ученых считают нужным делить всю германскую расу на две больших половины: на германцев восточных, к числу которых они относят скандинавов и готов, и германцев западных, к которым причисля-

ются остальные многочисленные большие и малые племена. Эта новая терминология является совершенно излишней, так как придумана для выражения отношений, не существовавших в действительности.

В сущности, германская нация не имела в древнейшие времена ни федеративного, ни какого-нибудь другого единства. Тацит указывает только на некоторую связь, бывшую между отдельными коленами, связь преимущественно религиозную, выражавшуюся в избрании общих нескольким племенам депутатов для отправления различных религиозных обрядов. Но это не было единство политическое, ибо германская раса в этом отношении представляет только множество разрозненных единиц, отдельных общин, обозначаемых Тацитом римским именем *civitates*, но гораздо вернее характеризуемых немецким словом *Völkerschaft*.

Сама территория, которую занимала германская раса, ограждена теми же пределами, какие мы встречаем и в настоящее время: германцы населяли пространство между Рейном, Вислой, Дунаем, Немецким и Балтийским морями. Придунайские земли занимали кельты, а германцы доходили только до реки Майн. Южная гористая часть Германии покрыта была лесами, такими густыми, непрерывными и бесконечными, что по древненемецкой поговорке «белка пробегала по семи миль, перепрыгивая с дерево на дерево». Не такую картину представляла северная Германия. Это была низменная пустыня, покрытая многочисленными и обширными болотами; суровый климат, туманы и облака закрывали солнце большую часть года; все реки замерзали зимой, везде водились дикие звери; пашни было мало, лугов гораздо больше. Стада были многочисленны, но плохой породы. «Боги, – говорит Тацит, – по благосклонности или по гневу отказали германцам в золоте и серебре, хотя и трудно утверждать, чтобы в земле их не было золотых или серебряных жил, но, вероятно, они не умеют извлекать из них драгоценные металлы, да и не имеют в том нужды» (*Germ.*, 5).

Но тем не менее почва была и тогда довольно плодородна и Германия, по свидетельству некоторых древних писателей, должна была быть очень населенной страной. Указания на многочисленность населения существуют еще со времени раньше Тацита. Так, Цезарь⁴ говорит, что одни свевы (хатты) могли выставить до 200 000, способных носить оружие; цифра эта предполагает общую численность этого племени не менее, как в 800 000 человек. Население тенктеров и узипетов, упоминаемых также у Цезаря, простиралось до 400 000 жителей. Хотя Цезарь, конечно, имел некоторые побуждения преувеличивать, но его показания в данном случае сходятся и с другими известиями. Аммиан Марцеллин решительно приходит в ужас перед не уменьшающейся, несмотря на продолжительные войны и жестокие поражения, массой бургундов, готов и аллеманнов. Из этого делается понятно, почему римляне держали стотысячную армию на рейнской границе для защиты от одних германцев. Варвары одним численным превосходством своего населения, простиравшегося до нескольких миллионов, могли раздавить окончательно даже несравненно лучше вооруженные и дисциплинированные римские легионы.

Но это было уже позднее, а пока, благодаря тому что германцы распадались, как было сказано, на многочисленные группы, политически разьединенные и постоянно враждовавшие между собой и не имевшие ясного представления о племенном единстве и его выгодах, они еще не могли угрожать Риму неминуемой опасностью. Только в песне о Манне (Мань), первом человеке, и его трех сыновьях, рассказанной Тацитом (*Germ.*, 2), родоначальниках трех больших подразделений германских колен или племен – ингвеонов (живших вблизи океана), гермионов (в средней Германии) и истевонов (в южной), выражается некоторое смутное представление о единстве происхождения и о том, что известные группы многочисленных народцев более родственны между собой как потомки одного и того же из сыновей Манна. Следует, впрочем, заметить, что это скорее напоминает сагу о происхождении всего рода человеческого от одного лица, чем сознание племенного единства германской расы, и что уже во времена Тацита это тройное деление не имело никакого практического значения и даже римские писа-

тели не в состоянии были сказать ничего определенного о том, какие именно племена принадлежали к тому или другому отделу.

Не менее того остается темным и сомнительным, сколько именно и какие племена следует различать в историческом периоде со времени Тацита. Мы знаем, что визиготы и остготы, гепиды, тайфалы и вандалы были близко родственны друг с другом и представляли отдельную группу. Подобным же образом можно было бы составить еще несколько групп, но, не имея определенных сведений, скоро приходится переходить в область догадок.

Постараемся теперь представить приблизительную картину германского быта, выработать возможно ясную и последовательную схему, в которой выразились бы их взаимные племенные, религиозные, политические, семейные отношения, которые должны были необходимо существовать, выливаясь в ту или другую, конечно, очень несовершенную, форму.

Прежде всего, если мы поставим на очередь вопрос о германской расе, то должны немедленно ответить, что ее в настоящем смысле, в народном самосознании, в смысле организованного социального или политического тела не существовало вовсе во времена Тацита. Единственной связью, объединявшей расу, естественно бессознательно, незаметно для самих германцев, был общий язык.

Затем, если от общего родового понятия германской расы мы спустимся к более частным видовым понятиям племенных колен, то увидим здесь кроме языка еще и другую связь – единство религиозное. Ход немецкой истории не был таков, что старые племена или колена, связь которых основывалась на общности происхождения, превратили свой слабый и неопределенный союз в союз государственный так, чтобы вместо отдельных маленьких народцев носителем политической жизни сделалось племя или нация. В этом отношении они представляют полную аналогию со славянскими племенами, населявшими древнюю Россию. Остготы и вестготы, вандалы долгое время оставались совершенно отдельными государствами, пока не слились с другими, чуждыми племенами. Даже мелкие народности делились, входили в связь и соединение с другими составными частями; на место старых, исчезающих являлись новые племена, новые народности – этот ход немецкой истории содействовал тому, что старое деление на племена было забыто. Но и в первоначальное время почти не было учреждений, в которых племенное родство находило бы более резкое и определенное выражение. Народцы, связанные между собой племенным родством, так же часто боролись между собой, как и с чуждыми племенами. Единственной объединяющей связью некоторых из этих племен был, как сказано, религиозный культ. От Тацита, например, мы имеем сведения, что марсы имели общий храм в честь богини Тамфаны; в этом храме они собирались вместе для отправления религиозных обрядов и принесения жертв («celeberrimum illis gentibus templum, quod Tamphanae vocabant...» – Тацит, Анн. 1, 51). В других местах своих сочинений Тацит приводит еще три подобных примера.

1) Несколько племен, перечисленных им (Reudigni, Aviones, Anglii, Varini, Eudoses, Nuthones и др.) – имели общий культ богини Нерты, святилище которой находилось на одном из островов Балтийского моря, неподалеку от берегов Дании или Голштинии, вероятно Рюгена.²¹

2) Семноны (Semnones), занимавшие нынешний Лаузиц на реке Шпрее, Бранденбург и Саксонию – и родственные им народности приносили жертвы и отправляли ежегодно торжество в честь Zio или Ziu (Thio) – бога войны (Germ. 39).

3) Народцы, поименованные Тацитом и входившие в состав лугиев (Harii, Helveconae, Manimi, Helisii, Nahannarvali – Germ., 43), жившие в нынешней Силезии, приносили общую жертву Кастору и Поллуксу, которых называли Aid (отсюда, вероятно, Алкуин).

²¹ «Nec quicquam notabile in singulis, nisi quod in commune Nerthum, id est Terram matrem, colunt eamque intervenire rebus hominum, invehi populis arbitrantur. Est in insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehiculum, veste contextum; attingere uni sacerdoti concessum. Is adesse penetrali deam intellegit vectamque bubus feminis multa cum veneratione prosequitur» (Germ., 40 и далее Germ., 43).

Судя по этим примерам, некоторые *civitates* сохраняли между собой некоторую племенную связь, находившую выражение в общности религиозного культа. К какому-нибудь храму какого-нибудь общепочитаемого божества сходились для отправления культа представители от каждого из маленьких народцев; это было нечто вроде греческих амфикистий, в состав которых входили народные единицы одного племени, имевшие свой круг богов. В этих религиозных союзах не было исключительности: боги одного племени находили доступ и к другим племенам. Но несомненно, что если не существовало замкнутости религиозных союзов, то было противоположное, то есть многие соплеменные народцы не имели общего культа. Постоянной, определенной и прочной связи между всеми племенами и коленами германской расы не было.

Идем далее, все ниже опускаясь к более частным подразделениям германской нации, обратимся к так называемым *civitates* (*Völkerschaften*). Носителями политической жизни в первобытной Германии были не племена, которые постоянно изменяли свой объем, то соединяясь, то распадаясь на еще более мелкие подразделения, а их части (*civitates*, *Völkerschaften*). Их было очень много, и Тацит перечисляет их во второй части «Германии». Назовем важнейшие, группируя их последовательно по месту жительства.

В Скандинавии жили *Suiones* (общее название) и *Gothi*.

На островах Балтийского моря (*More Saelicum*) и полуострове Ютландия: *Dani*, *Cimbri*, *Heruli*, *Anglii*, *Saxones*, *Eudoses*.

Между Рейном, Эльбой и Салою.

1. По берегам Немецкого моря (*Oceanus Germanicus*): *Batavi* населяли страну, называемую *Ursula Batavarum*, между Рейном и Ваалом, *Frisii* – между реками Рейн и Эмс, *Chauci* – между Эмсом и Эльбой.

2. На юг от них – *Usipii*, *Tencteri* и *Sigambri* на Рейне, *Bructeri* – в треугольнике между Эмсом и рекой Липпе; потом *Angriarii* и *Cherusci* по Везеру (граница на востоке с народностями по Эльбе).

3. Еще далее на юг: *Mattiaci* (ныне – Нассау), *Chatti* (до Везера, ныне Гессен); к юго-востоку *Hermunduri* на верхнем Майне, на восток и юг они простирались до Богемского леса, верхнего Дуная и римского пограничного вала.

К востоку от них, в Богемии – *Marcomanni*, в Моравии – *Quadi*.

На севере Гермундуры граничили с *Semnones*, жившими по реке Шпрее, на запад до средней Эльбы, на восток до реки Одер.

В Силезии *Lugii* и *Voio*, к которым принадлежали также вандалы.

В Познани и Пруссии – *Burgundiones*, *Gothones* и другие. На берегу Балтийского моря – *Rugii* между Одером и Вислой, по нижней Эльбе *Langobardi*.

Вот главные *civitates*, на которые распадалась во времена Тацита германская раса. Кроме того, остаются не упомянутыми еще много имен, которые должны быть причислены к мелким подразделениям вышеназванных. Определить точные границы между областями, занятыми каждым из названных народцев, почти невозможно; можно только сказать, что границами не служили, во всяком случае, реки. Нам известно, например, что херуски жили по обеим сторонам Везера, бруктеры – по обеим сторонам Липпе, лангобарды – по обеим сторонам Эльбы и так далее.

У всех племен развивалась государственная власть, но развивалась отдельно в каждом. Большая часть тех задач, которые исполняет нынешнее государство, или были совсем неизвестны германцам, или же исполнялись не государством, а семьей, фамилией, родом. Потому говорят, что до поселения на римской почве германцы не знали настоящего государства, но жили исключительно в родовом быту, знали только государство родовое, то есть совокупность семей, соединенных в форме одной фамилии. Органом власти в этих отдельных маленьких *civitates* (*Völkerschaften*) были веча (*concilia*).

Укажем еще низшую единицу приводимой здесь схемы, подразделение *civitates* на так называемую сотню, *pagus*, по-немецки *Gau*, по-русски – волость. Это подразделение имело значение не политическое, а только судебное.

Таким образом, последовательная схема форм германского быта представляется в следующем виде:

1) германская раса – сознательного единства не существует, естественное единство – язык;

2) племена или колена – связь неопределенная, непостоянная и только религиозная (общие культы);

3) народцы (*civitates*) – связь и жизнь политическая, орган власти – вече;

4) волости или сотни (*pagi, gaue*) – судебные сходы.

Далее идут: 5) села и 6) дворы.

Если мы сопоставим германский быт с бытом славянским, то понятие германцев будет соответствовать понятию «славян вообще», понятие племен и колен будет соответствовать таким делениям, как «славяне русские», «славяне ляхитские» и так далее. Название *civitates* можно было бы применить к полянам, древлянам и другим, а название *pagus* – к русским волостям.

Теперь посмотрим, что же представляло собою древнее германское государство (ставя этот вопрос, мы имеем в виду только *civitates*, так как они одни были носительницами политической жизни). Рассмотрим несколько подробнее, можно ли убедительно доказывать существование родового государства в отдельных мелких германских племенах.

Сторонники теории родового быта доказывают, что государство в Германии имело очень ограниченное число функций, большую часть государственных задач исполнял род. «Древне-германская община есть не что иное, как род, – говорит Грановский, популяризируя в своей статье “О родовом быте у древних германцев” взгляды Зибеля, – члены рода живут соседями в деревнях, или отдельными дворами на общей земле, марке, обнесенной со всех сторон лесом, болотом или другой природной границей. Это граница рода: на нее положено заклание. Ее охраняют языческие боги (являющиеся демонами после введения христианства) и бесчеловечно жестокие постановления исключительно родовой общины.

Смерть ожидает инородца, самовольно переступающего рубеж... Не собственность, а происхождение, принадлежность к роду определяли значение лица в такой общине. Инородцу не было в ней места. Но родовые связи заключались не в одном кровном родстве: род увеличивался не через нарождение только. В состав его можно было вступить извне, посредством усыновления или брака. Вообще женщины служили часто посредницами и примирительницами родов, смягчая их начальную исключительность. Англосаксонская поэзия недаром называет женщину *fre-odowebbe*, то есть ткущая мир. Этот превосходный эпитет показывает ее значение в основанном на родовых отношениях обществе. Приобщенный посредством брака или другим образом к чуждой ему дотеле общине, инородец становится ее родичем, потомком ее родоначальника. Вымышленное искусственное родство (родовая фикция) заступало место кровного» (стр. 140, 141, 142).⁵

С отдельным человеком родовое государство также не имеет никакого дела; оно знает его только в совокупности членов того или другого рода, то есть группы фамилий, соединенных в одно целое в форме рода. Всякий член рода ближайшей, или, лучше сказать, единственной властью над собой признает родоначальника; к этому последнему обращается с приказаниями, требованиями и государство, перед которым он несет всю ответственность за членов своей фамилии. Таков общий характер родового государства.

Теперь, если обратимся к Германии Тацитовских времен, то увидим, что она к тому времени уже вышла из подобного строя общественной жизни, пережила пору исключительно родового быта. Доказательств только что высказанной нами мысли немало можно найти у

самого Тацита. Укажем на некоторые из них. Во-первых, самое подразделение государства (*civitas*) на сотни (*pagus*) основывается не на родстве, а на числе (*Germ.*, 12). Во-вторых, *principes* – старшины, жупаны, главы пагов избираются на народном вече не из какой-нибудь одной фамилии, а свободно, и по некоторым данным можно думать, что члены одного и того же рода делались по избранию в одно время главами над различными волостями-сотнями. Они – представители волостей, но избираются на общем вече, а не на родовых сходках, не вырастают из родовых отношений (*ibidem*). Уже один этот факт может служить веским доказательством того, что родовое начало не преобладало в быте древних германцев в историческое время. Но есть еще указания и на то, что германцы уже вышли из тесных рамок родовых отношений еще до столкновения с римлянами. Тацит прямо говорит, например, что юноша, достигнувший известного возраста, способный носить оружие, делается собственностью государства – «*pars rei publicae*» (*Germ.*, 13). Также, когда являлась необходимость в важных делах собрать на совещание войско или вообще весь народ, государство передавало требования всем своим совершеннолетним людям не через родоначальников и князей, а прямо и непосредственно. Не явившийся на собрание или не ставший в ряды войска был ответственен за себя и сам терпел наказание. Эта очень важная черта доказывает, что отдельное лицо имело тогда уже прямое отношение к государству.

В известиях позднейшего времени (V и VI веков) мы видим, что государственная власть простирается уже и на тех, кто до тех пор состоял исключительно под властью главы рода, то есть на женщин. Так, Теодорих Великий в указе об одной знатной женщине, нанесшей тяжкое оскорбление другой, повелевает, чтобы ее наказал род, семья; если же это не будет исполнено, то государство возьмет на себя эту обязанность. Далее, в одном лангобардском законе (в лангобардском праве Ротари) говорится, что женщина, вступившая в связь с рабом, должна быть казнена смертью или же продана в рабство и исполнение этого закона лежит на ее роде; если же род уклоняется от этого, то королевский чиновник исполняет приговор и зачисляет ее в число невольниц короля.⁶

Во время Тацита несовершеннолетние и женщины состояли еще под властью старшины рода, что доказывает обычай наказания за нарушение супружеской верности (*Germ.*, 19).

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что в Германии хотя и сохранились остатки древнего родового быта, но государственное устройство уже существовало в отдельных племенах; во время Тацита государственной власти подчинена значительная часть населения – все совершеннолетние свободные люди. Органами государственной власти были: вече (*concilium*) всегда и князья (*principes*) – у некоторых народов.

Прежде чем приступить к характеристике этих двух органов государственной власти, остановимся на вопросе о сословиях, на которые разделялись древнегерманские общины.

Сословия

Германская нация, какой она является в описании Тацита, не была соединением равноправных, различающихся друг от друга только личными качествами индивидуумов. В ней существовало разделение на сословия. Но эти сословия не были тесно замкнутыми кастами и не задерживали свободного течения жизни; они не основывались также на разнице происхождения, национальности, а выработались внутри народа, или это были чуждые элементы, принятые в народ и слившиеся с ним так, что не осталось никакого воспоминания о различии.

Настоящих сословий было три.

1. Благородные (эделинги, *Adeliche*) – *nobiles*.
2. Свободные люди низшего сословия (*fraie*, фралинги – курлы или керлы (*ceorl*)).

3. Зависимые (Hörige, liberti, liti); к ним нужно еще присоединить рабов (Servi, Knechti), положение которых было таково, что они представляют собой не столько сословие, сколько противоположность настоящим сословиям.

В Германии не было особенного жреческого сословия, и это составляет важную отличительную черту их быта.

Зерно народа, естественно, составляли свободные простолюдины, они получили впоследствии у различных племен различные названия (friling – у саксов, seorl – у англов и т. д.). Рождение от свободных родителей давало свободу. Свободная женщина только от свободного мужа могла иметь свободных детей.

Это разделение сословий мы выводим из сличения слов Тацита с немецкими источниками. Указания же Тацита не совсем точны. Он говорит, например, что у германцев существовали рабы, но германцы обращались с ними не сурово; что они хотя и не имели собственной земли, но получали от хозяина, как римские колоны, участки, которые они обрабатывали, и за это обязаны были платить господам ежегодный оброк, состоящий из хлеба, скота и одежды. В этом и состоит вся их служба. Весьма редко рабов заковывали в цепи, били или принуждали работать через силу («verberare servum ac vinculis et opere coercere rarum» – Germ., 25).

Но тем не менее, прибавляет он, каждый господин в минуту гнева мог убить своего раба даже с истязаниями, и это всегда проходило безнаказанно («occidere soient, non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune est» – Germ., 25). Затем Тацит говорит о вольноотпущенниках, положение которых немногим отличается от положения рабов, за исключением нескольких особенных случаев, когда они, вступая в дружину короля, повышаются до высших степеней силы в государстве. Тациту, очевидно, недостает слова (термина), и он в одном понятии «servi» смешивает различные степени зависимых отношений: литов (letus, litus, lazzi, lissi) – полусвободных (Hörige) с настоящими рабами-невольниками (Knechti – холопы).

Первые происходили, вероятно, от потомков первобытных обитателей средней Европы – кельтов или народов туранско-финского корня, которых германцы частью вытеснили оттуда своим напором, частью поработили, привели в зависимое состояние. Покоренные народы занимали рабское положение среди завоевателей, что видно из слов, выработавшихся у некоторых германских народов для обозначения понятия «раб»; например, у немцев в позднейшем языке «Sclave», то есть «Slave» – славянин, у англов «vealch» – валах и так далее.

Много спорили в науке о правах литов: были ли они свободными или нет. Но нужно сказать, что они не были ни тем, ни другим, а составляли особенное сословие, которое имело особые права и занимало особенное положение в общине. В отличие от рабов литы – не просто вещь, они пользуются правом личной неприкосновенности (в этом литы походят на римских вольноотпущенников) и их число увеличивается через отпущение рабов на волю. Литы владеют землей не свободно, но от имени какого-нибудь хозяина, которому обязаны известными службами и повинностями. У них не было законных брачных отношений (римск. *connubium*) с людьми свободными. На народных сходках, когда дело шло об их частных правах, они сами могли лично являться как истцы и ответчики, но в политических делах не имели никакого участия. Что касается настоящих рабов – холопов (Knechti), то они вполне бесправны, происходили от военнопленных, от людей, потерявших свою свободу в азартных играх (Germ., 24) или каким-нибудь другим способом. Впрочем, их, по всей вероятности, было немного; основная масса населения состояла из свободных.

Перейдем теперь к дворянству.

Что касается сословия благородных (эделингов, *nobiles* Тацита), нужно заметить, что об этом также поднималось много споров в ученом мире. Раньше и естественнее всего должен был возникнуть вопрос, каким образом появился у германцев в их первобытном общественном устройстве этот первенствующий класс и какое он мог иметь значение? В прежнее время

сословию этому, действительно придавали первенствующее значение даже и в политическом отношении, но такое мнение никак не может быть основано, по крайней мере, на словах Тацита.

Если собрать, разобрать и сравнить все места, в которых Тацит говорит о *nobilitas*, то обнаружится тот факт, что, по мнению великого историка, это сословие пользовалось скорее почетом и уважением, чем какой-нибудь особенной властью, каким-нибудь выдающимся политическим положением. «Германцы избирают своих королей между самыми благородными, военачальников между самыми храбрыми. Власть этих королей не ограниченная и не самовольная; что же касается военачальников, то они повелевают скорее примером, чем властью («*Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*» и так далее – Germ., 7)». «Когда все в полном собрании (на вече), – говорит он в другом месте, – король или старшина, смотря по летам и по благородству происхождения, держит речь к народу и заставляет слушать себя скорее силой убеждения, чем своей властью» («*Mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate*» – Germ., 11).

Из только что приведенных, а также из многих других подобных мест «Германии» можно заключить, что дворянство пользовалось почетом, уважением, авторитетом, но только не политической властью, на которую нет и намека. «Благородство рождения, заслуги предков могут сообщить достоинство вождя и внимание со стороны военачальника даже юноше» («*Insignis nobilitas aut magna patrum mérita principis dignationem etiam adolescentulis adsignant*» – Germ., 13). Из этого видно, что заслуги и благородство происхождения доставляли уважение даже вождя, но именно уважение, а не власть. Прежде Савиньи и теперь Зиккель доказывают именно власть благородных, приравнивая друг к другу выражения Тацита *principes* и *nobiles*, но это воззрение неверное, и Вайтц убедительно опровергает его.

Обращаясь к позднейшим известиям V и VI веков, мы находим там те же указания на высокое общественное положение дворянства, на то уважение, которым оно пользовалось.

В одном Саксонском законе⁷ говорится, что за один мизинец эделинга платится такая же вира, как за убийство простого свободного человека. У некоторых германских племен вира за убийство эделинга полагалась вдвое или втрое большая, чем вира за убийство простолюдина. Обычай свидетельских показаний на суде также служит доказательством преимущества дворянства; свидетельское показание эделинга имело больше веса, чем показание простолюдина. Эделинг мог говорить сам за себя, и суд довольствовался этим; между тем как простой свободный человек непременно обязан был для подтверждения своего слова представить несколько соприсяжников (*conjuratores*), которые должны были клятвенно подтвердить его показание.

Из всех этих источников и свидетельств можно вывести ясно и последовательно поставленное нами выше положение, что германское дворянство (*nobilitas*) пользовалось только преимуществами почета и уважения своих соплеменников и что не было никаких прав и привилегий политических, которые были бы специально присвоены этим сословием и которыми бы оно наследственно пользовалось. Нужно полагать, что этот почет был закреплен за благородными еще в глубокой древности. Эделинги – это старые роды, из которых обыкновенно выбирались короли, поэтому племя привыкло смотреть на них как на лучших носителей своих интересов, так как их предки в отдаленные времена, еще во времена великих первоначальных переселений, были вождями народа, стояли во главе отдельных племен или частей племени и еще тогда оказали племени великие услуги. Происхождение эделингов бывает даже облечено в форму мифических рассказов. Это древнее германское дворянство, основывавшее свои преимущества на чисто нравственном фундаменте, отнюдь нельзя смешивать с позднейшим служилым германским дворянством.

Положение и численность знатных дворянских родов было неодинаково у различных германских племен. У одних их довольно много, но у большей части – число благородных незначительно, а у некоторых племен даже совсем не упоминается о них. Так, например, у баваров было только пять знатных родов кроме герцогского рода Арнульфingов. В то же время франки,

кроме рода короля, совсем не имели эделингов в историческое время. У готов было два дворянских рода: Амалы – у остготов и Балты – у вестготов. У саксов совсем нет королевской власти, но упоминается о довольно значительном числе знатных родов. Этот последний факт служит неопровержимым доказательством против воззрения тех ученых, которые утверждают, что эделинги именно члены королевского рода. Такое положение решительно не выдерживает критики. Сопоставление королевского рода с эделингами невозможно, потому что мы встречаем постоянные указания на существование дворянства там, где нет королей. Возражение, которое делается на это, что будто бы у таких племен, как саксы, прежде существовала королевская власть, но потом исчезла, а потомки королевского рода обратились в эделингов, также недостаточно: еще Тацит, первоначальный источник, указывает на то, что были племена, у которых и в его время не было королей.

Таким образом, сословие дворян в германском быте существовало, но не имело привилегированного политического значения перед свободными простолюдинами.

Древнегерманский быт был по преимуществу демократическим. Ни в первобытной Германии, ни впоследствии в V и VI веках не видим мы, чтобы одно сословие присваивало себе исключительные права, чтобы один класс политически преобладал над всеми остальными. Даже право носить оружие, – как известно, это был признак благородного происхождения в средние века, – в первобытной Германии не принадлежало одним эделингам. На вечевых собраниях германцы все присутствуют вооруженными. «Они не обсуждают, – говорит Тацит, – никакого общественного или частного дела иначе, как с оружием в руках» (Germ., 13). Право являться на народный сход вооруженными принадлежало всем свободным. Оно сохранялось долго в виде обычая в лесных кантонах Швейцарии (Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн), и там собирались односельчане или жители одной волости, одного округа до последних времен для обсуждения общих дел, непременно со своим старым заржавевшим оружием в руках. Между вечевым собранием и ополчением их не было даже особенного различия, что ясно доказывает то право носить оружие, которое простой крестьянин имел наравне со знатным эделингом. В случае необходимости войско составлялось из всех свободных совершеннолетних членов общины. Следует заметить, что в устройстве и распределении рядов этого войска родовые связи имели еще большое значение: родичи обыкновенно располагались вместе и составляли отряд. «Более всего возбуждает их храбрость, – говорит Тацит, – состав отрядов войска, которые не представляют случайного набора чуждых друг другу людей: они собраны из членов одной фамилии и родственников».²²

Кроме этой общей массы войска, германские конунги, старшины и князья (главари) имели еще свою дружину, и наконец, сверх всего этого, каждое войско имело еще избранный отряд, который даже у народов, обыкновенно сражавшихся пешими, составлялся из конников. Каждый из них выбирал себе смелого и расторопного товарища-пехотинца, и таким образом отряд этот, в общей сложности равнявшийся 100 человекам, становился впереди войска, как его надежда, его главный оплот. В рядах этого войска смешивались и стояли друг возле друга знатный эделинг и беднейший простолюдин.

Эта равноправность сословий, этот исключительно демократический социальный строй объясняется отчасти самим экономическим бытом древних германцев.

Рассмотрим теперь несколько подробнее эту сторону германской жизни.

²² «Quodque praecipuum fortitudinis incitamentum est, non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates» (Germ., 7).

Экономический быт. Землевладение

Ни в одном из вопросов древнегерманского быта не поднималось ни прежде, ни отчасти даже еще теперь столько споров в ученом мире, как в аграрных отношениях: как племена относились к земледелию, как смотрели на землевладение, в какие формы оно у них вылилось, какое значение имело для жизни племен. Все эти вопросы чрезвычайно важны. На первых ступенях экономического развития народов главным и могущественным двигателем хозяйственной жизни представляются силы природы, в особенности земля. Отсюда, права на землю, распределение поземельного владения между членами общества обуславливают общественную, а за ней и политическую организацию народа. Так что на правильном понимании сущности этих вопросов основываются в значительной степени верные выводы о степени культуры, о государственном и общественном строе народа.

Еще раньше, говоря о поземельных отношениях, существовавших между кельтами, ясные следы которых сохранились в законах бретонов, мы указывали на то, что современная наука пришла к результату, что у всех решительно народов арийской семьи на той или другой, более отдаленной, степени развития непременно существовало общинное землевладение как явление общее и характерное. На основании серьезной и вполне научной аналогии с другими племенами мы можем смело утверждать, что эта форма поземельных отношений когда-нибудь непременно существовала и у германцев. Поставим еще вопрос: было ли у них общинное землевладение в то время, когда с ними впервые познакомились римляне? Обсуждая его, мы должны необходимо отправляться от известий Цезаря и Тацита как от лучших древнейших и единственных источников. Других достоверных свидетельств решительно нет. Ссылки на памятники, возникшие впоследствии, в эпоху переселения народов и образования новых государств, не должны быть допускаемы, потому что четырехвековые сношения с Римом не могли не иметь влияния на Германию и не произвести в быте ее населения значительных перемен.

К сожалению, выражения Цезаря и Тацита, особенно последнего, оказались не совсем ясными, и ученые различных лагерей толковали их вкрявь и вкось, одни – подтверждая, другие – упорно отрицая существование у германцев тех времен общинного землевладения.

Мы должны прежде всего высказать свое мнение, что прямое, не искусственное понимание слов Тацита в свете широких и прочных аналогий, добытых из сравнительного изучения первоначального быта других народов – индийцев, кельтов, славян, а также и неарийцев, доказывает существование в Германии тацитовских времен общинного поземельного строя с отсутствием частной, личной собственности.

Прежние исследователи, особенно Вайтц, увлеченные отчасти национальными, патристическими стремлениями, упорно утверждали, что нельзя доказать полное отсутствие более совершенных форм поземельных отношений у древних германцев, что при остатках общинного землевладения (*Feldgemeinschaft*) у них существовало уже и, пожалуй, даже преобладало, землевладение частное, личная собственность (*Privateigenthum*). В настоящее же время многие замечательные ученые, вопреки мнению Вайтца, прямо проводят аналогию между древнегерманским и нынешним русским общинным бытом. Об общинном землевладении в Германии и вообще у первобытных народов много написано. Укажем несколько сочинений по этому вопросу.

Прежде всего нужно назвать труд знаменитого ученого Маурера «*Einleitung in die Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung*»⁸ (переведен на русский язык Коршем: «Герцога Людвига Маурера. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти». Москва, 1880). Затем важно сочинение французского ученого Laverge: «*La propriété primitive*», 1874; назовем еще небольшую, но очень интересную русскую книжку Н. Нелидова «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к

древнегерманскому государственному устройству» (Казань, 1868), в которой просто, понятно и последовательно рассматриваются взгляды различных ученых на экономическое положение древней Германии. Этими сочинениями мы ограничимся, хотя можно было бы назвать довольно много других трудов.

Итак, возвратимся к известиям двух вышеназванных римских историков.

Цезарь два раза упоминает о поземельной общинной собственности у древних германцев.⁹ В первой главе четвертой книги комментариев о Галльской войне он говорит о племени свевов; в других местах – уже обо всех германцах при сравнении их с галлами. Земледелием они не занимаются; пища их преимущественно состоит из молока, сыра и мяса; ни у кого из них нет определенных, отмежеванных участков земли; начальники и старшины выделяют ежегодно землю, определяя по собственному усмотрению место и количество ее отдельным родам и семействам, живущим вместе, через год они заставляют менять участки.

Рассмотрим подробнее эти слова Цезаря. *Magistratus ac principes* производят дележ земли, они назначают каждому роду его участок, они же назначают ежегодный передел. Эти власти-магистраты, старшины, не могут быть приняты за глав целого государства или народа, племени, потому что сам же Цезарь говорит, что в мирное время политическая германская община совсем не имела ни одного начальника (*nullus magistrate communis habent*). Следовательно, эти люди (*magistrate* и *principes*) могут быть рассмотрены только как выборные старшины каждой отдельной волости или сотни (*page*), из которых слагался маленький народец (*civitas*). Производство поземельного дележа этими старшинами дает право предполагать, что земля рассматривалась как собственность всей волости и обрабатывалась родами, входившими в состав волостной общины, так что определенное пространство земли отводилось в годичное пользование не отдельному лицу, а целому роду, причем только род на этот один год и селился тут на отведенном участке. Поэтому-то и раздел земли производился теми лицами, которые стояли во главе коллективной единицы, называемой Цезарем и Тацитом *pagus* (волость). Ежегодный переход с места на место указывает на обширность территории, принадлежащей общине, и стоявшее на низкой ступени развития народное хозяйство. Поля, очевидно, не удобрялись и плохо приготавливались к посеву. Ежегодно поднимали и распахивали новь, и возделанное поле оставалось до следующей очереди под паром. Очевидно, что и внутри сотенных волостей не существовало точных поселений и что быт того времени был близок к пастушескому.

Таким образом, мы должны сказать, что во время Цезаря личной поземельной собственности не существовало; землей владела целая волость, и члены ее вели полуоседлую жизнь, ежегодно переходя с места на место; постоянных деревень или сел с определенным полем не было, союз марки (*Markgenossenschaft*)²³ совпадал с пределами целой волости.

Такое рода представление можно вывести из слов Цезаря, и оно представляет аналогию с русским общественным бытом. Это соответствует прежней русской не деревенской, а волостной общине, сохранившейся на самом севере России в Олонецкой губернии и, очевидно, представляющей наиболее древнюю архаическую форму землевладения общинного. С этим вопросом можно хорошо и подробно познакомиться по двум исследованиям П. Соколовского: 1) «Очерк истории сельской общины на севере России» (СПб., 1877) и 2) «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом» (см. стр. 115 и *passim*; СПб., 1878).

Такой порядок землевладения существовал при Цезаре и с этой точки зрения он описан даровитым писателем вполне вероятно и близко к истине, благодаря тонкой наблюдательности

²³ «Слово марка имеет несколько значений. Собственно оно означает границу, *limes*. Но сверх того под ним разумеются: а) служащие границей, находящиеся в общем владении луга и леса; в) совокупность земель, принадлежащих общине и, наконец с) самая община, которой члены называются потому *commarchani*». (Слова Грановского, I т. его сочинений, стр. 136). Точнее см.: Грановский Т. Н. О родовом быте древних германцев // Сочинения Т. Н. Грановского. Т. 1.4. 1. М., 1866. С. 136.

его проницательного ума. Отчетливо понятое в свете общеарийских аналогий описание Цезаря дает прямую возможность сопоставить древнегерманскую общину с древнеславянской волостной общиной, занимавшей обширную территорию, внутри которой каждый отдельный род мог владеть землей, где ему было угодно и удобно, переходя с места на место; необходимости в правильных пределах еще не было, они стали являться только позднее.

Спустя полтора столетия другой великий историк древности, Тацит, дает нам следующее понятие о состоянии землевладения у германских племен. В устройстве общины (Germ., 26) замечается значительная перемена сравнительно с той, которую изображает Цезарь.

Частной поземельной собственности по-прежнему не существует, по крайней мере в обширном смысле слова, землевладение по-прежнему остается общинным, но существенная разница состоит в том, что коллективной единицей, собственником общинной территории является уже не волость (pagus), а меньшая единица – род или, лучше, село (viciis); сельская община уже существует, и ежегодная смена участков совершается в более узкой сфере. Роды – прежние временные владельцы земли теперь прочно уселись на своих местах, построили постоянные жилища, перестали вести бродячую, пастушескую жизнь, одним словом, вырабатывали из себя сельские общины: из одной большой волостной общины обособилось, выделилось несколько меньших – сельских, из которых каждая представляет совокупность семей одного рода. Между всеми дворами или домами каждого такого села и происходит ежегодный передел пахотной земли, если только этот обычай по-прежнему сохранился; союз марки (Markgenossenschaft) теперь совпадает с сельским союзом, сельской маркой (Dorfmarke). Но выгоны и леса остаются еще собственностью всей сотни или волости и для распоряжения ими недостаточно одного села.

Таким образом, каждая отдельная семья является членом двух общин: сельской поземельной – по своему праву на участок пахотной земли при ежегодных разделах, и волостной – по своему праву вместе с другими односельчанами и жителями других сел сотни пользоваться общим выгоном, пастбищем и лесом.

Кроме того, во время Тацита являются уже зародыши частной поземельной собственности, это принадлежащие каждой отдельной семье – дом, двор вокруг, ближайшая частица луга или огород, вообще то, что мы теперь назвали бы усадьбой землей.

Резюмируя все сказанное нами для объяснения слов Тацита, мы найдем, что полтора века спустя после Цезаря германские роды владеют уже известной, хотя небольшой собственностью, имеют право на ежегодную долю пахотной земли и на пользование вместе с другими волостными угодьями – выгоном и лесом.

Необходимо прибавить, что такой быт сохранялся в Германии довольно долго: только в V и VI веках начала разлагаться общинная поземельная собственность и принимать форму отдельных частных хозяйств. При знакомстве со способами землевладения необходимо должен еще возникнуть вопрос: отличались ли чем-нибудь эделинги от простолюдинов, имели ли они право на большие и лучшие участки земли? Ответ на это мы можем отчасти найти в той же 26-й главе «Германии» Тацита. Упомянув о земельном наделе, он говорит, что участки были разделены сообразно достоинству и значению («agri pro número cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partitiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praebeant. Arva per annos mutant, et superest ager»). На основании этих слов можно заключить, что иногда члены наиболее знатных родов получали или большие участки, или два вместо одного. Но и здесь, впрочем, дворянское сословие не пользовалось исключительными преимуществами, так как бывало, что простой крестьянин, имевший больше скота, рабов, бывший в состоянии обрабатывать значительный кусок земли, точно так же, как и самые знатные эделинги, получал вдвое.

Мы постарались найти самое простое объяснение первоначального поземельного строя Германии, каким он представляется нам из слов Тацита, понятий и просто и истолкованных в

свете весьма близких аналогий. Некоторые из самых известных немецких ученых, отправляясь от предвзятых и ложных взглядов о несовместимости такой «варварской» и «грубой» формы землевладения, как общинная, с исконным уважением «германского духа» к принципу собственности и началам права, до сих пор не решаются остановиться на таком, наиболее естественном, толковании. Знаменитый автор «Истории немецкого государственного устройства» Вайтц в последнем издании своего сочинения хотя уже и не защищает с прежним жаром господство частной и личной собственности у древних германцев по отношению к земле, все-таки не соглашается назвать их быт чисто общинным. Мы считаем полезным ближе познакомиться с его толкованием слов Тацита (Germ., 26), которые, к сожалению, никак нельзя назвать вполне ясными.

Вайтц подробно разбирает слова Тацита в главе о землевладении в своей «Deutsche Verfassungsgeschichte».¹⁰ Ни чтение вышеозначенного места Тацита, ни значение его слов, думает Вайтц, не ясны вполне. Всевозможные и самые разнообразные взгляды опираются на них. В этих словах в том виде, как они обыкновенно читаются, говорится о двойном разделе земли («in vices» и «arva per annos mutant»). Во-первых, вся совокупность земледельцев (universitas), большая собирательная единица меняет поля, то есть переходит с данного места на другое.

Как часто происходит и чем регулируется такая смена, прямо не указано. Если бы мы поняли это так, что известные племенные группы произвольно перекочевывают с места на место как придется, то получили бы представление о быте еще более грубом, чем тот, который описывает Цезарь; а он говорит даже об участии властей в разделе, следовательно, о некотором порядке. Поэтому слова Тацита объясняют так, что обрабатывались попеременно то одни, то другие поля из всех тех, которые принадлежали общине. Но и это объяснение, по мнению Вайтца, неправдоподобно. Он утверждает, что римский историк говорит здесь о единичном, а не о правильно повторяющемся действии, что видно из следующих слов: «тох inter se...» («сейчас же»). Это выражение ясно указывает на однократность действия, которое могло, пожалуй, повториться когда-нибудь не скоро, в далеком будущем, но отнюдь не должно было повторяться постоянно и правильно. Такое толкование места заставляет Вайтца признать более правильным другое чтение текста, по которому вместо слов «ab universis in vices» («всем племенам попеременно») ставят – «ab universis vicinis», то есть «целыми селами», так только объясняется, кто же были те, которые сообща принимали участие во владении и в разделе земли. Таким образом, Тацит говорит здесь только о первоначальном занятии земель и устройстве деревень или поселений. Такого рода переселения должны были случаться и во времена Тацита, и еще долгое время спустя, когда какое-нибудь племя захватывало силой новую область и начинало ее возделывать или когда оно заселяло мирным образом прежде пустынные местности, расчищало там леса и делало землю годной к посеву.

Второе предложение Тацита, в котором говорится о втором разделе, продолжает Вайтц, подвергается также различным толкованиям, смотря по тому, говорится ли здесь о перемене во владении или способе пользования, возделывания полей. Некоторые думают, что отдельные члены общества ежегодно меняли участки, которые доставались им при разделе. Это положение связывают с известиями Цезаря.

Но Вайтц, не находя ничего подобного у последнего, считает более правильным отнести слова Тацита к перемене в возделывании или засеивании полей. Он думает, будто римский историк хотел сказать, что поля относительно посева ежегодно менялись, и в виде объяснения прибавил, что земли для этого было достаточно. Отсюда можно было бы вывести, что Тацит намекал на трехпольную систему (Dreifelderwirtschaft) земледелия, (то есть попеременное следование из года в год на одном и том же поле озимого посева, ярового и пара), которая потом вошла в общее употребление в Германии; но Вайтц, имея в виду исследования других ученых, не решается этого утверждать положительно, а допускает возможность видеть в словах исто-

рика указание и на другие системы, которые могли практиковаться у германцев эпохи Тацита (*Zweifelderwirtschaft*, *Feldgraswirtschaft*). Впрочем, смена засеваемых полей, то есть переход с одного поля на другое, может быть делом как отдельных лиц, так и совокупности их, целого общества; в последнем случае право отдельного лица подвергается известным ограничениям – отведенный участок (*in secern*) делается непостоянным. Полагают, что это и имеет в виду Тацит.

Далее Вайтц говорит о способе поселения у германцев. Он говорит, что они только в виде исключения – вследствие случайных только обстоятельств – селились отдельными дворами, окруженными каждый своим участком поля, пастбища и луга. Обыкновенно же германцы жили селами, скотоводство и земледелие управляли всеми отношениями и они же привели к необходимости строить села.

Люди, которые были связаны между собой в тесном союзе вследствие родства или какого другого обстоятельства, занимали большую или меньшую полосу земли. В одном каком-нибудь месте они строили себе жилища, но не сплошными улицами, а каждое на свободном пространстве, которое отдельному лицу нравилось. Дома окружали участки усадебной земли *Hofstlette*, в северной Германии – *Wurth*, на скандинавском севере – *Taft*. Затем в прилегающей территории полевой земли образуются особые клочки или участки – конь (*gewänne*), причем берутся в расчет и одинаковое качество почвы, и одинаковое расстояние от села. Каждый член сельской общины получал, часто по жребию, выпавший ему участок в каждом из них – и в хорошем, и в дурном, и в близком, и в отдаленном. Таким образом, число участков в каждом коне равнялось числу членов общины. Цель этого устройства – достигнуть возможности уравнительного и справедливого раздела. В каждом коне общинник получал обыкновенно равную долю, величина которой колебалась, смотря по качеству земли и по разным другим обстоятельствам. Позднее, когда вошла в обычай система трехпольного хозяйства, то вся пахотная земля, то есть все ее конь разделились на три большие части – озимое, яровое поле и пар. Все говорит, утверждает Вайтц, о древности хорошо организованной германской общины. Но и раньше, когда было больше простора в смене возделывателей территории, причем попеременно одни поля распахивались, другие отдыхали и обращались в пастбища, должны были существовать те же общие правила при обработке.

Такого рода поземельные отношения Вайтц называет *Feldgemeinschaft* или *Flurgwang* (неполная форма общинного землевладения). *Feldgemeinschaft* может быть такого рода, что доли в полях или конях не распределяются между отдельными членами раз и навсегда, но всякий раз, как приходит очередь до известного поля, снова производится раздел (не передел): так как общее качество всех участков одинаково, то для получателя безразлично, достанется ли ему тот же участок или другой, одинаковый по величине. Это – строгая *Feldgemeinschaft*. Указания на такую земельную организацию мы встречаем и позднее. Но известия Цезаря и Тацита не подтверждают, что в их время везде распространено это полное общинное землевладение. По всей вероятности, существовало оно только не в полном виде *Flurgwang*, то есть в необходимости каждого отдельного хозяина соотноситься в своих хозяйственных действиях с деятельностью остальных жителей деревни, оставлять под паром известную часть своего участка и выгонять свой скот в известное поле вместе со всеми другими. Таким образом, Вайтц, который ранее совершенно отвергал существование у германцев права коллективного общинного землевладения, потом сделал некоторые уступки в своей теории, убежденный замечательными исследованиями других ученых.

По мнению Маурера, марковое устройство древних германцев представляет переход от быта кочевников к оседлой земледельческой жизни, в состоянии которого находились германцы, современные Тациту и Цезарю. Потому первые учреждения германцев при поселении в империи были рассчитаны на скотоводство и необходимые для него пастбища и носили на себе характер «союзности, общественности». Это замечание, по словам Маурера, должно быть отне-

сено не только к поселениям целыми деревнями, но и к отдельным дворам. Первоначально многие из них составляли союз, общество.

У них в общем владении находились неразделенные луга, выгоны и леса. При устройстве первоначальной деревни каждый участник союза получал известное пространство для дома и двора, затем ему выделялся участок земли в пахотном поле и давались права пользования в неразделенных общинных землях. Участие члена союза во всех составных частях полевой марки сначала было чисто идеальное, и это не только в лесах, пастбищах и лугах, но и в наделе пахотной земли. Это следует из ежегодной перемены владения и ежегодно вновь предпринимаемого отвода отдельным лицам земли, как это делалось во времена Цезаря; та же система сохранилась и во время Тацита и кое-где уцелела в Германии до позднейшего времени.

В большей же части страны это древнее устройство не удержалось в первоначальной чистоте. Участки, находившиеся в пользовании, мало-помалу перешли в отдельную собственность, подобно тому как продолжительная аренда переходит в наследственную. Маурер думает, что в Германии переход этот совершился около времени переселения народов. Но в отдельную собственность были обращены повсюду только участки пахотной земли и усадьбы; леса и луга вместе с водами и дорогами остались в общем владении. Даже относительно полей община удержала за собой право определять способ пользования землей. В приведенных строках заключается сущность мнения Маурера. Он не допускает существования отдельной поземельной собственности у германских племен в эпоху Цезаря и Тацита. Надобно заметить, что сведения, сообщаемые обоими писателями древности, не противоречат мнению Маурера.

Конечно, древнегерманская *Feldgemeinschaft* не может быть приводима к понятию о полной поземельной общине, какая, например, существует теперь у русских крестьян. Немецкий исследователь Nasse (автор труда «История следов общинного устройства в Англии») в своей рецензии на Бюхеровскую переработку книги Лавалэ вооружается против отождествления древнегерманского общинного быта с русским. Нам кажется, говорит он, что Лавалэ недостаточно указал на различие между развитием аграрных отношений в России и среди германских племен. Нынешняя русская сельская община представляется ему, по-видимому, живой картиной древнегерманского общинного землевладения, и потому-то русская община стоит на первом плане в его построении. Но основная черта устройства последней – признание равного права всех совершеннолетних жителей на равное участие в землях, составляющих сельскую общину – никаким образом не может быть доказана в германских селах в историческое время. Можно считать вероятным, что с тех пор как германцы прочно уселись на известных местах, всякий взрослый член союза получил свой участок на общинной ниве, но после того как раздел был совершен, и каждый получил свою соху (*Hufe*),²⁴ при возрастании населения безземельный (на долю которого не хватало участков) должен был рассчитывать только на свой труд для других или же на обработку невозделанной земли как на жизненные средства, передел уже не производился. Пустующая земля, которой было много, конечно, долго избавляла новые поколения свободных поселян при возрастающем населении от безземелья; при этом или части принадлежавшей к общине девственной земли разделялись на новые сохи при старом селе, или на ней образовывались новые младшие села. Часто также при увеличившемся населении несколько семейств обрабатывали один участок, одну соху. Только позднее в большей части Германии естественное разделение (*die Naturaltheilung*) сделалось общераспространенным. Но о праве безземельных требовать нового передела земли с целью увеличения числа сох через уменьшение величины прежних, сколько известно Nasse, не находится никаких сведений в немецкой истории.

²⁴ *Hufe* – идеальная единица, выражавшая право участия отдельного лица на известную долю усадебной и полевой земли. На наш язык этот термин лучше всего переводится словом «соха».

Таким образом, Nasse отвергает существование у германцев такой общины, которая бы основывалась на периодически повторяющемся переделе пахотной земли. Причем Nasse в конце прибавляет, что и в древнерусском поземельном строе несколько столетий ранее настоящего времени периодические переделы не составляли необходимости.

Это последнее замечание должно быть признано весьма основательным; оно свидетельствует о хорошем знакомстве Nasse с новейшими трудами русских ученых. По этим исследованиям существование переделов до прикрепления крестьян к земле оказывается весьма сомнительным; только с развитием крепостного права деревенская община, ограниченная известной территорией должна была «в случае нарушения равенства подворных участков» (от неравномерного изменения в составе семейств) «прибегать теперь к новому способу для уравнивания этих участков – к переделу земли, который при прежней свободе выселения должен был составлять лишь исключительное явление» (См.: *Соколовский*. Очерк истории сельской общины на севере России. С. 93; с. 86–92).

Приведенными сведениями о землевладении у древних германцев мы должны будем ограничиться. Как бы то ни было, но мы должны сказать, что из двух главных видов владения землей – общинного и частной собственности – во всяком случае тогдашнее германское владение гораздо более подходит к первому.

Дружина

Своеобразное место в ряду учреждений, из которых слагались формы жизни древних германцев, занимала дружина (тацитовское *comitatus*).¹¹

Прежде всего заметим, что германская дружина далеко не имела такого всеобъемлющего значения, какое придают ей некоторые ученые, между ними и Гизо, полагающий, что большинство немецких государств на римской почве было основано дружинами. Как увидим ниже, ничего подобного не было; но во всяком случае в социальном отношении дружина имела важное значение в Германии.

Дружина представляет общество свободных людей, собравшихся добровольно вокруг своего вождя. Они не теряли личной независимости и обязаны были повиноваться вождю только как своему военному начальнику. Дружинники жили обыкновенно в доме вождя; вместо платы он давал им пищу, одежду, оружие, коня, устраивал обильные пиры, раздавал роскошные подарки из военной добычи (см.: *Germ.*, 14). Они имели полное право выйти из дружины одного вождя и перейти к другому.

Связь между ними и вождем была исключительно нравственная; отличительной чертой этой связи была добровольная верность (*Treue*), а не обязательное подчинение. Для дружинников считалось вечным позором и стыдом возвратиться живыми с поля сражения, в котором убит был их вождь; за него и с ним должны они были умирать. Они раньше поклялись защищать его и посвящать свою храбрость его славе: «Вожди сражаются для победы, дружинники дерутся за вождя».²⁵ Если он был конунг или князь и лишен власти, то они могли не покидать его и следовать за ним повсюду. Очевидно, что учреждение это важное и интересное, но, тем не менее, не в нем должны мы видеть основное начало различных германских государств, образовавшихся на развалинах Римской империи. Дружинники уже потому не могли основать их, что вообще были немногочисленны. Подтверждение этого мы имеем в свидетельствах многих писателей.

Так, Аммиан Марцеллин в рассказе о битве Юлиана Отступника с аллеманнами у Агрентората (Страсбург) говорит, что конунг их *Chono-domarius* после долгой борьбы наконец сдался со своей дружиной и что дружина состояла из 200 человек, что составляло весьма незначи-

²⁵ «*Principes pro victoria pugnant, comités pro principe*» (*Germ.*, 14).

тельный процент в сравнении с остальным ополчением аллеманнов (пало 6000 человек).²⁶ Из позднейших известий мы знаем, что норвежский король имел дружину в 120 человек, и когда захотел удвоить ее, народ возроптал.

Во всяком случае дружина составляла опору вождя, его славу и почесть во время мира, его защиту во время войны, она была основой той силы, с которой соперничавшие между собой князья вели борьбу («*haes dignitas, haec vires; magno semper et electorum iuvenum globo circumdari in pace decus, in bello praesidium*» – Germ., 13). Дружина заменяла конунгам недостаток постоянного войска и чиновников. С другой стороны, учреждение это давало возможность отдельным лицам следовать излюбленным идеалам своего сердца. Удалая и тревожная, но добрая и веселая, чувствующая избыток жизненной силы молодая дружина постоянно старалась найти применение этой силы, и в случае долгого мира в своей земле предлагала часто свои услуги другим воюющим племенам («*si civitas, in qua orti sunt, longa pace et otio torpeat, plerique nobilium adulescentium petunt ultro eas nationes, quae tum bellum aliquod gerunt*» – Germ., 14). Учреждение это, впрочем, не удержалось навсегда в первобытной чистоте свободных отношений дружинников к своему вождю. Пока господствовала неприкосновенность общинного землевладения и оно сохраняло первобытный характер. Но когда появились постоянные наделы и участки общинной земли обратились в частную поземельную собственность отдельных лиц, и когда вместе с тем естественно явились свободные безземельные люди, искавшие себе пропитания службой, – это учреждение существенно изменилось. Дружинник является уже не вольным товарищем вождя, а вольным наемником. У англосаксов и северных германцев в позднейшие времена нет даже юридического различия в понятиях «вольный работник крестьянина» и «дружинник короля».

Тот и другой называются у скандинавов *Hus Korl* (*Huskerl*), у англосаксов – *thegn*, *gesith* (позднее немецкое – *gesinde* – челядь). Крестьянин-хозяин и конунг по отношению к работнику и дружиннику одинаково именуются *Hlaford* (то есть «кормилец»). Как дружинник служит оружием королю, так и «*Huskerl*», «*Gesinde*» должны были помогать крестьянину оружием, если у него случалась ссора с другим.

Вообще челядь (*Gesinde*), в которую превратилась первоначальная дружина свободных ратных товарищей вождя, состояла тогда из различных элементов. В нее вступали, во-первых, люди, не любившие труда, искавшие веселой жизни, веселых пиров и общества военных товарищей; во-вторых, молодые люди из богатых фамилий, когда у них пробуждались отвага и сила, жажда славы и воинских подвигов, и, в-третьих, бедные, несостоятельные люди, или же такие, которые вынуждены были искать убежища. Крестьянские *Huskerl* пополнялись, разумеется, только из людей третьей группы, в дружинах же королевских наемников попадались представители каждой из трех.

Изменение характера дружинного быта лучше всего рисует нам древняя англосаксонская поэма о Беовульфе,¹² происхождение которой относится к VIII веку. Из встречающихся в ней описаний видно, что дружинники короля должны были исполнять даже разные низкие службы. Блестящей представляется их жизнь, когда они представлены в своем великолепном вооружении и слушают на королевском пиру певца; является тут и королева и говорит почетные слова, раздает подарки – золотые запястья и кольца, одежду и гривны²⁷. Но все-таки один из товарищей должен во время пира служить чужеземцам, и та же комната, в которой пируют днем, служит ночью дружине местом сна.¹³

Также хорошо обрисовывается дружинный быт в рассказе о короле Фродо, напоминающем рассказы нашего народного эпоса о князе Владимире – Красном Солнышке и его удалой

²⁶ Ammiani Marcellini Rerum gestarum... Lib. XVI. 60, 63.

²⁷ «Beowulf» немецкий перевод, стих. 80–81, 1980–1983, 2863–2869, 1228–1231, 614–624.

дружине. Фродо должен был жениться, так как его дружинники пообносились и некому было починить их износившееся платье.²⁸

Дружинники со времени изменения характера их быта исполняли различные полевые и домашние работы; доказательством этого служит рассказ о короле Сигурде. Когда во время работ на поле он попросил сына своего Олафа оседлать ему коня, то юноша рассердился и не исполнил просьбу отца, в виде злой насмешки он оседлал козла вместо коня. Из этого ясно только, что молодое поколение, к которому Олаф принадлежал, считало такие услуги уже унижительными для свободного и благородного человека. О том, что прежде эти услуги были обычными, свидетельствуют названия разных придворных должностей, исполнявшихся прежде дружинниками, как, например, *Maréchal* (маршал) – от *mahre* – лошадь, *Schale* – слуга (*Knecht*).

Из «Беовульфа» ясно также, что дружинники получали плату, чего не существовало прежде. Формула присяги, сохранившаяся у англосаксов, говорит, что дружинник обязан быть верным и ни словом, ни делом не совершать ничего такого, что было бы оскорбительно для господина, под условием, что господин будет держать его, как он того будет заслуживать, и что он исполнит все, что требуется в договоре, заключенном между ними, когда он ему подчинился и признал его власть.

Некоторым противовесом обязанности послушания является возможность и право дружинника всегда оставить своего *hlaford'a*, кроме только того времени, когда ему грозит серьезная опасность. Впоследствии к этому присоединяется еще новое существенное изменение – являются дружинники, не живущие при дворе короля и сами имеющие дружину. Так, например, Беовульф, дружинник короля, поселился на своем наследственном участке и все-таки оставался в дружине. (*Thegn, Degen*)¹⁴ датский начальник береговой стражи в «Песни о Беовульфе» является также дружинником короля, но и сам имеет дружинников под собой.

Важно еще обратить внимание на вопрос: кто же имел право держать дружину? Прежде писатели, которые вообще придавали дружине в высшей степени важное, первенствующее значение в судьбах германских племен, предполагали, что дружиной мог окружать себя каждый, принадлежавший к сословию эделингов. Но это мнение опровергнуто исследованиями Вайтца и другими учеными, и в настоящее время почти никто уже не считает возможным его держаться. Оказывается, что только главари (*principes*) – старшины административно-политических отделов нации (*civitates*), а вовсе не эделинги пользовались этим правом. С этой точки зрения делается совершенно ясно, почему дружина не представляла самостоятельного и отдельного начала в первобытном германском общественном организме, настолько сильного, чтобы оно могло оказаться в состоянии произвести такой огромный переворот, как разрушение целостности Римской империи.

Такие предприятия, как походы англов и саксов, как страшное нападение Ариовиста на Галлию и нашествие Радагайса на Италию, никак не могли быть выполнены дружинами. В таких движениях действовали вместе самые разнообразные элементы. Иногда отдельные, не связанные между собой племенным родством толпы, иногда же целые небольшие народцы (*Volkerschoften*) приходят в движение и предпринимают поход на чужие страны. Вождем их является король или простой предводитель – герцог. Часто несколько племен или несколько частей различных племен соединяются под начальством непременно одного вождя. Часто враждебно с оружием в руках наступают они на римлян и силой пытаются захватить новые земли на территории провинций Римской империи. Нередко также получают они от римского правительства плату или землю и за это обязываются исполнять всякую службу в интересах империи и принимаются в союз римского государства, которое думает воспользоваться ими

²⁸ *Saxo Grammat. Hist. Dan.* p. 68 / Ed. Müller et Verschow. Havniae. 1839.1.

как новыми силами, но, само того не осознавая, вбирает в себя элемент, который тут же начинает работать на разрушение обветшавшего здания.

Слишком разнообразна и богата историческая жизнь, чтобы можно было подвести ее проявление под одно какое-нибудь определенное правило, под действие одной только силы, и дружинный строй, в особенности, не может быть назван той силой германского быта, которая разрушила Римскую империю, разорвав ее на части, овладев одной за другой ее различными провинциями. Дружина представляет, повторяем, оригинальную черту древнегерманского общественного устройства, она выдвигается в известные моменты вперед, но не выходит из рамок общего строя и ее значение остается ограниченным.

Государственный быт

Мы уже раньше упоминали, что германские племена не составляли одного целого государства, а разделялись на множество отдельных политических тел (*civitates*), в свою очередь распадавшихся еще на волости, сотни. Характерной чертой государственного быта всех племен Германии служит непрочность связи, соединявшей общины в государстве; эта связь легко могла быть разорвана и так же легко вновь восстановлена.

Если народ был слишком многочислен, так что не мог собираться на одном вече, если возникала сильная и долгая распря, если было несколько членов королевского дома или же несколько мужей, владевших силой и славой и могущих поддерживать притязания на роль вождя; если часть народа при военном походе находила землю, которая ей больше нравилась, то государство распадалось на части, на уделы, причем вследствие благоприятных обстоятельств всегда могло последовать новое соединение.

В начальные эпохи политического развития народов отдельные ветви государственной власти, которые впоследствии являются самостоятельными с резко очерченным кругом действий своих органов, обыкновенно еще неясно выделяются друг из друга, находятся почти в безразличном смещении; законодательство, управление и суд являются функциями, которые отправляются в большей части случаев одними и теми же органами. Государственная власть у древних германцев в эпоху Тацита принадлежала народу; народное вече у Тацита (*concilium*), состоявшее из всех свободных членов государственной общины, распоряжавшейся территорией и решавшей все важные дела, было главным и общим всем германским государствам политическим органом. Правило это настолько общее, что по собранию на одном вече мы можем судить о принадлежности нескольких племен к одному государству. Надобно думать, что первоначально были только одного рода собрания, именно – собрания марок. Впоследствии, при увеличении населения, когда марки стали подразделяться, марковые собрания стали собраниями целой народности (*civitas*) – собраниями свободных людей всего государства, собственно государственными собраниями, а рядом с ними возникли собрания волостей государства (*centeni, pagi*). Взаимное отношение этих двух видов вечевых собраний составляет важнейшую черту древнегерманской государственности. Круг дел, подлежащих ведению обо-его рода собраний, в двух пунктах однороден: решались судебные споры и тяжбы, и оба имели право распоряжаться подведомственной им областью (маркой). Территориальное пространство, на которое простиралась компетенция каждого из двух собраний, важность и количество каждой особой группы дел, поступающих на рассмотрение того и другого, были различны, но оба собрания вели судебные дела и распоряжались землей, это были *Gerichtsversammlung* и *Markversammlung* (*Marveginge*), хотя в большинстве случаев судебные дела решались в низших, волостных собраниях, так как они обыкновенно стояли ближе к самому делу, лучше могли рассмотреть сущность тяжбы.

Государственная марка первоначально доставляла земскому или государственному вече немного хлопот, так как эту марку тогда составляла только, во-первых, пограничная, иногда

очень обширная, но оставляемая в пустошь полоса земли, которую не обрабатывали, не уничтожали на ней лесов для безопасности от набегов соседей, и, во-вторых, – вновь завоеванные незаселенные земли.²⁹ В этой области, конечно, дел было очень немного: все управление государственной маркой состояло в запрещении на ней селиться или, в известных случаях, в разрешении занять ту или другую часть пустующей государственной земли.

Остальная же территория делилась между отдельными сотнями, и общинно-поземельные дела этих волостей или сотен и их собрания были гораздо многочисленнее.

Во время Цезаря все земли общины – пахотные поля, луга и леса – состояли под исключительным ведением сотенного или волостного собрания.

Во время Тацита количество подведомственных ему земель становится гораздо меньше, так как пахотная земля уже распределена между сельскими общинами, и все вопросы, касающиеся пользования ею, не находятся в ведении сотни и сотенной сходки; но леса и пастбища оставались еще большей частью общим владением и состояли под управлением сотни или волости.

Далее, в третьем пункте, функции обоих вечевых собраний расходятся, области их компетенции различны. Только земская община, только общегосударственное вече решает вопросы о войне и мире; оно одно дает право свободы несвободным; в ней юноша объявляется совершеннолетним, наконец, только здесь избираются *principes* вожди, старейшины, судьи отдельных волостей. Это последнее обстоятельство делает отношение между вечевыми собраниями обоих видов наиболее ясным. Сотня не имеет никаких политических прав и полномочий: она не представляет отдельного государства в государстве, а только часть, подразделение государства; она находится в подчиненном отношении к земскому вече, к земле как к целому. Если бы нужно было обозначить оба собрания – земское и сотенное – по главному характеру подведомственных им дел, то пришлось бы сказать, что сотня – судебная сходка, земля – политическое вече.

Организация обоих собраний, так же как и организация земли и волости, различны. Во главе волости или сотни необходим судья, старейшина, главарь (*principes*); во главе земли и земского вечевоего собрания – конунг может быть и не быть. Еще существенное отличие: устройство земли – это особый совет старшин, старейших лучших людей.

«De minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertinetur» (Germ., 11), то есть менее важные дела эти старшины (лучшие люди) решали самостоятельно, более важные – по крайней мере подготавливали к решению в народном собрании. Некоторые ученые утверждали, что совет старейшин состоял преимущественно из знатных людей, эделингов, но это совершенно несправедливо.

Мы не имеем точного определения, кто имел право участвовать в совете; вероятно, что такого определения вообще не было. На основании слов Тацита, впрочем, мы можем заключить очень ясно, что едва ли это право принадлежало исключительно знатым людям. Когда *Civilis* задумал свое восстание против римлян, он созвал на совет «знатных людей племени» и наиболее способных из простолюдинов (Tacitus. *Historiae*. L. IV, 14). Так, конечно, бывало и в других случаях. Знатное происхождение заменяло недостаток личных способностей и заслуг; мужество, опытность, слава, старость давали и свободному простолюдину место и влияние в совете. То же было и позже, в средние века. У фризов, например, до IV столетия, кроме общего собрания – веча, существовал совет из 46 выборных лиц из старшин и духовенства. Они оправдывались перед императором Валентинианом в набегах на римскую территорию, говоря, что это делают вследствие решения совета вельмож (Ammiani Marcellini *Rerum gestarum*. Lib. XXX, 6).

²⁹ Последнее особенно важно для объяснения англосаксонского народного поля (*Volksland*), под которым и разумеется эта государственная марка.

Народные собрания у древних германцев, по рассказу Тацита, были обыкновенные и чрезвычайные. Первые созывались в обыкновенные дни, во время новолуния и полнолуния. Тацит замечает (Germ., 11), что свобода германцев вредит до некоторой степени скорому ходу дел в их собраниях, потому что они собираются не все вдруг и проходит несколько дней прежде, чем все сойдется. Германцы сходились для совещания под открытым небом, на высотах или в долинах, преимущественно вблизи мест, где совершалось поклонение богам. Свободные люди, составлявшие собрание, являлись туда вооруженными. Ношение оружия было важным правом свободного германца и составляло признак его свободы. Не являвшиеся без уважительной причины подлежали наказаниям. Что касается самого хода собрания, то нужно думать, что не только право решающего голоса, но и право предложения принадлежало всем. Тацит формулирует это с ясностью: «*mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctori-tate suadendi magis quam iubendi potestate*» (Germ., 11). То есть не только человек знатного происхождения – конунг или вождь, но и человек пожилой, опытный, или известный своей храбростью, или даже только красноречием, мог держать речь к народу.

Одобрение, удовольствие, принятие предложения выражалось потрясением оружия, неодобрение – просто шумом. Самое почетное выражение согласия состояло в аплодисментах оружием («*si displicuit sententia, fremitu aspernantur; sin placuit, frameas concutiunt: honoratissimum adsen-sus genus est armis laudare*» – Germ., 11). Таким образом большинством голосов решалось дело, если и не правильной их подачей, то, по крайней мере, судя по общему впечатлению.

Наряду с вече иногда являются у древних германцев короли, конунги (у Тацита – *reges*, в отличие от *principes*).³⁰ Из сведений, сообщаемых нам Тацитом, видно, что некоторые племена имели королей, другие же нет, хотя при этом он упоминает везде о существовании королевского рода, из чего можно заключить, что монархическая власть не составляла особенности отдельных племен, так как почти у всех в разное время замечается смена безкоролевья и правления исключительно вечевого королевским правлением.

Но там, где был король, он являлся носителем и представителем государственной власти. Римляне, говоря о войнах с германцами, упоминают, что иногда король объявлял войну, иногда же – народ. Король был верховным жрецом, он же – верховный судья, то есть председатель на общенародном, вечевом собрании и предводитель на войне. В последнем случае он равен герцогу – военачальнику; вследствие этого сходства некоторые ученые выводили королевскую власть из герцогской, исключительно военной, говорили, что во время общей опасности выбирался общий вождь – верховный, который, когда опасность миновала, не слагал с себя власть, а оставлял за собой и даже передавал ее потомству; таким образом, первоначально выбранный герцог обращался в наследственного конунга. Но вряд ли это справедливо. «*Reges ex nobilitate, duces ex virtu-te sumunt*», – говорит Тацит (Germ., 7), а Цезарь указывает на то, что у германцев «*in pase nullus est communis magistratus, sed principes regio-num atque pagorum inter suos ius dicant controversiasque minuut*» творят суд и улаживают споры (Comment, de bello gal., VI, 23).

А на время войны избирался *dux* вместо короля. Да и вообще Тацит постоянно различает и правильно употребляет слова *rex* и *dux*. Существенное отличие конунга от герцога в том, что в мирное время герцог обязан слагать свою власть, тогда как власть конунга была прочной. Германцы, несмотря на свою воинственность, все-таки считали нормальным положением жизни страны и народа мир, а не войну, поэтому-то и власть конунга – главы народа во время мира постоянная.

³⁰ Слово «Konung» (König), как по значению, так и по звуковому составу представляет полное соответствие славянскому «князь».

Немецкие саги часто прославляли королей, которые мирно сидели у себя дома, посылая на войну своих богатырей; королевская честь вовсе не требовала того, чтобы он сам ходил в битву во главе своего войска. Он является хранителем мира по преимуществу. Этот мир – честь короля. Кто нарушает мир и начинает раздор и вражду, тот оскорбляет короля и обязан заплатить «мировые деньги» – пеню, так же как господина дома оскорбляет тот, кто у него обидел другого словом или пригрозил ему оружием.

Короли избирались «*ex nobilitate*», как говорит Тацит в только что приведенных словах, из среды благородных фамилий; наследственности в строгом смысле не было, хотя по смерти короля избрание обыкновенно ограничивалось одним из членов его же фамилии. Очевидно, что это избрание совершалось по установленным обычаем обрядам. Сначала провозглашалось имя кандидата, потом его поднимали на щит и три раза обносили вокруг собрания, чтобы показать народу. У скандинавов его ставили на камень. Если предлагаемый кандидат был угоден народу, то одобрение выражалось обычным громом оружия, заменявшим подачу голосов. Затем новоизбранному королю давали в руки копье, которое служило символом власти, и начиналась народная присяга верности.

Короли так же, как судьи и старшины, выбирались на всю жизнь. Король был единственным чиновником государства, так как бюрократии, очевидно, не существовало у древних германцев; в управлении ему помогали только его дружинники. Королевская власть имела весьма важное значение, так как король являлся представителем народного единства. Государственный союз был крепче там, где во главе его стоял конунг. Народ, который не имел короля и видел свое единство только в вечевых или военных собраниях, повторявшихся в больших государствах через неопределенные и длинные промежутки времени, не осознавал своего единства так ясно, как сознавалось оно тогда, когда было воплощено в одном лице, в одной фамилии, возвышавшейся над всеми, в одном доме, который для всех, даже самых отдаленных родов, был обиталищем права, убежищем от насилия. Часто случалось, что королевская власть возникала вследствие необходимости, являлась противовесом междоусобных распр в стране. Иногда два каких-нибудь знатных рода начинали борьбу и мало-помалу втягивали в нее всю страну, жители которой являлись сторонниками того или другого честолюбца, членами его партии.

Для прекращения междоусобий, для водворения мира избирался король. Основой королевской власти было прежде всего общее уважение, которое народ питал к конунгу, а также его материальные богатства. Ему давался двойной участок земли, в его пользу шла половина «мировых денег». Тацит припоминает также о натуральной повинности, которую платили королю; наконец, огромное значение в глазах народа имело так называемое сокровище короля (*Schatz*), то есть те драгоценные украшения, запястья, кольца, ожерелья и тому подобное, которые давались ему во время счастливых войн и потом переходили из рода в род, увеличиваясь все новыми вкладами; королевское сокровище играет важную роль и в древнегерманских народных преданиях.

Скажем теперь еще несколько слов о двух-трех важнейших сторонах древнегерманского общественного государственного устройства.

Прежде всего обратим внимание на их юридические понятия, опишем их судебное устройство. В этой области у древних германцев главную роль играло право самосуда, самозащита, право кровной родовой мести. Об этом учреждении много и подробно говорит Вайтц. Но он увлекается, по обыкновению стараясь доказать, что германцы времен Тацита не были варварами, и утверждая, что право кровной мести не могло уже у них иметь большого и самостоятельного значения. Право кровной мести в древней Германии не сходно было со средневековым правом частной войны (*Fehderecht*), по которому только дворянин имел возможность личной расправы с врагом. В Средние века в Германии как каждый свободный человек пользовался правом носить оружие, так точно каждый свободный мог отомстить за себя или за родственника. Мы имеем множество указаний на живучесть этого обычая: в Дании он упоми-

нается в 1400 году; даже от XVI и XVII столетий сохранились договоры, основанные на праве кровной мести; точно так же в Швейцарии сохранился обычай, что в случае убийства только женские члены фамилии приносили жалобу в суд, чтобы за мужчинами оставалось неприкосновенным право на месть, которое теряется в случае обращения к покровительству суда. Право кровной мести первоначально было даже обязательным и долго сохраняло этот характер.

Так, в скандинавской саге рассказывается, что одна мать дала пощечину своему сыну, который не отомстил за обиду, и когда после этого он еще медлил, она вместо хлеба дала ему камень. Подобных фактов встречается весьма много. В другом месте мы видим, что отец отказывается выйти из горящего дома, где уже погибли его сыновья, так как он слишком стар и слаб и не в силах отомстить за них.

Но опасность бесконечного продолжения кровомщений, вызываемых одно другим, уже с самых ранних пор ведет к стремлению ограничить обычай, более строго и узко определить тех, которые имели право мести, а также и тех, которые могли ей подлежать. Право это начинают давать только сыну, брату или самому близкому родственнику убитого; мести подлежат кроме самого виновного только его ближайшие родственники.

В законе франков салических («Салической правде») предполагается, что родичи убитого должны представить виновного в суд и удовольствоваться присужденной ему вирой. Только в случае, если виновный оказывается не в состоянии заплатить виру, суд выдавал его головой обвинителям, и тогда семья убитого могла делать с ним, что хотела. Намеренное, никакими побуждениями не оправдываемое убийство вело за собой наказание смертью; только в случае особого соглашения сторон убийца такой категории мог отделаться пеней, вирой (*compositio*), но только с ограничением, а именно, что вся она, в большинстве случаев очень высокая, должна быть выплачена виновным из собственных средств; родственникам при этом запрещалось помогать убийце.

Таким образом, у франков салических кровная месть уже в VI веке была подчинена определениям закона. В этом отношении законодательство франков опередило многие другие. В других государствах, например, у англосаксов, даже в X веке ограничения не шли так далеко. В законе короля Эдмунда говорится, что родичи убитого имеют право мщения, но только в отношении убийцы, а не его родных; они могут его преследовать, пока он не предложит законным порядком уплатить виру, родичи виновного при этом, как им угодно, могли помогать или нет виновному в уплате выкупа.

Но даже и принять выкуп считается иногда столь постыдным, что у датчан, например, было правило, что родственники виновного должны были поклясться родственникам пострадавшего, что и они бы приняли виру, если бы находились в таком же положении.

Все это делалось для того, чтобы те, которые, по выражению того времени, согласились «носить своего сына в кошельке», не должны были очень стыдиться своего поступка. Этим мотивирован также и обычай, чтобы предложение виры было сделано в пренебрежительной форме.

Право личной мести в прежние времена существовало, конечно, еще без тех ограничений, какие явились в позднейший период. Судебный процесс также много представлял личной инициативе каждого человека, хотя суд происходил в волости (*pagus*) и дело разбиралось при помощи всей общины. Тут нам нужно пояснить смысл одного места из Тацита, которое может быть понято неверно и потому возбудить недоразумения.

В XII главе «Германии» он говорит: «*eliguntur in isdem consiliis* (т. е. на общих земских вечевых собраниях) *et principes, qui iura per pagos vi-cosque reddunt; centeni singulis ex plebe comités consilium simul et auctoritas adsunt*». Это известие довольно странное; Тацит, по-видимому, предполагает, что на суде, который производится «*per pagos vicosque*» (в волостях), принципсами присутствуют сто лиц выборных «*ex plebe*». Но оно должно быть понято иначе. Выбранные в народных вечевых собраниях главари или судьи чинят суд и расправу в отдельных

сотенных волостях и селах. Буквальный же смысл слов Тацита о ста выборных лицах – носителях юридических представлений племени был бы неестественным, несообразным со всем общественным строем племени. Эта неточность Тацита легко объясняется тем, что он, зная о германском названии *ragi* – сотня, не совсем понял этот термин и смешал в слове *centeni* понятие о представителях всей волости (*principes*) – главари, судьи – с понятием о выборных из самой волости ста лицах, которые играли роль судей. Суд производился на волостных сотенных сходках, которые тем и отличались от общих, земских, что имели судебные функции, тогда как первые исполняли политические. Дела разбирались в присутствии и при помощи всей сотни, и, как сказано, судебный процесс представлял довольно широкое поле действия личной инициативы.

Обвинитель сам приводил обвиняемого в суд.

Для этого существовала особая формула, которая произносилась истцом перед ответчиком; услышавший ее должен был непременно явиться на суд, иначе процесс в случае неявки непременно решался не в его пользу. Обвинитель сам допрашивал обвиняемого и, что всего страннее, он сам, а не суд, имел власть принудить обвиненного отвечать. Эта власть или сила заключалась в известной форме определенно поставленного вопроса.

Кто не отвечал на вопрос, поставленный в такой форме, тем самым проигрывал процесс. Ответ должен был точно соответствовать вопросу. Уклонение от формулы опять влекло за собой опасность проиграть дело. После того как обвиняемый еще раз ответил, со своей стороны один из опытных знающих людей, судей (шеффенов), выражавший мнение предстоящей общины, произносил приговор. Последний не содержал заключения, кто прав, кто виноват, а только решение о том, чего требует право, если та или другая из указанных в приговоре двух сторон подкрепит свои показания известным процессуальным действием. Таким образом, приговор был условный; смотря по тому, будет ли или нет представлено требуемое доказательство, он решал дело в пользу той или другой стороны.

Процессуальные действия, посредством которых доказательство могло быть представлено, была клятва соприсяжников и Суд Божий посредством поединка (поля). Соприсяжники назывались также свидетелями, но их присяга была совершенно отлична от той, к которой приводят обыкновенно свидетелей. Соприсяжники не клялись в том, что они вообще будут говорить правду, и не разъясняли того, что им известно из обстоятельств, предшествовавших делу и сопровождавших его; они клятвенно утверждали только одно, заранее сформулированное положение, от скрепления которого присягой поставлено было в зависимость решение суда. Совсем не спрашивалось, могли ли свидетели или нет сделать еще какие-либо показания, которые помогли бы судье составить убеждение о праве или виновности сторон: это было неважно. Вся задача была в том, чтобы решать дело сообразно обычаям, чтобы решить: 1) которая сторона обязана будет представить доказательства и 2) принесена ли присяга как следует, с положенным числом соприсяжников.

Свидетели поэтому приглашались только тогда, когда приговор был уже произнесен. А выигрывало дело, если он присягнул в том-то, со столькими-то (обыкновенно двенадцать) соприсяжниками – вот постановление суда.

Соприсяжниками (*conjuratores*) бывали обыкновенно родичи обвиняемого; если же, по их мнению, клятву в его невинности нельзя было произнести, они старались удержать его даже от начала процесса.

С первого взгляда можно подумать, что такая процедура процесса не давала возможности оправдать правого человека, но необходимо помнить, что клятва считалась у древних германцев делом священным, и, кроме того, можно было отрицать приговор, произнесенный шеффеном, и тогда дело решалось поединком недовольного с шеффеном. Форма вызова состояла в том, что лицо, проигравшее процесс, но не желающее подчиниться несправедливому решению, втыкало в землю у двери дома шеффена обнаженный меч. Таким образом, судья, пришедший

для исполнения приговора, увидев этот вызов, возвращался назад и должен был назначить поле.

Так решались у германцев дела о собственности, об увечьях, о ранах, словесных оскорблениях, насильственных действиях и так далее. Наказания, назначаемые в суде, в большинстве случаев ограничивались денежной пеней. Свободный человек был почти избавлен от телесного наказания, которое применялось в очень редких случаях. Вследствие того, что назначалась пеня как наказание за большую часть преступлений и поступков, впоследствии у англосаксов мы встречаем целые тарифы за увечья. Особенно любопытны штрафы Кентского графства. Так, например, за простые побои там назначалась пеня в 12 шиллингов, за побои, от которых пострадавший получал глухоту, – 18 шиллингов, за оторванное ухо – 20 шиллингов и тому подобное (подобного же рода примеры мы часто встречаем и в древнерусском праве).

Часть этих штрафных, «мировых» денег шла в пользу короля; если же его не было, то «мировые» деньги обыкновенно пропивались: устраивали пир, часто подававший повод к новым дракам, новым увечьям и новым пеням. Только измена, трусость и противоестественные пороки, по словам Тацита, наказывались смертью.³¹

Этими описаниями мы должны ограничиться при освещении государственного быта древнегерманских племен.

Семейный и религиозный быт

Когда отдельные роды древнегерманских племен прочно уселись на своих местах, когда соединились в общинные союзы, тогда начали устраиваться и сплошные поселения – села, деревни. Устройство жилищ у древних германцев было первобытное и незатейливое. Стены домов строились частью из дерева, частью из плетня, обмазанного глиной, покрывались тесом или соломой; отверстие для пропуска дневного света и для выхода дыма было одно и то же.

Жилища были просты и рассчитаны на удовлетворение только самых насущных потребностей. Позднее стали устраивать подклет – *Tung* (русское – скрыня), которая помещалась внизу под землей и для поддержки тепла зимой покрывалась соломой (Germ., 16). Хлевы для скота строили обыкновенно рядом с жилищем, иногда даже под одной крышей. Германцы не имели городов, а жили селами и редко только отдельными дворами (Germ., 16). Входить в подробности описания жилищ германцев мы, впрочем, не имеем в виду, а хотим здесь обратить внимание на характерные черты их домашней жизни, к числу которых принадлежит прежде всего положение женщины.

Тацит главным образом в XVIII и XIX главах «Германии» дает нам подробные указания для решения этого вопроса. Он говорит тут о положении женщины в семье, описывает обряд заключения брака, упоминает о приданом, которое, по его словам, вопреки римскому обычаю, приносит не невеста жениху, а жених невесте («*dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert*» – Germ., 18).

Некоторые факты, как уже указано нами раньше, идеализированы Тацитом из желания представить более яркую противоположность между нравственно чистыми и простыми обычаями варваров и испорченными нравами римлян, хотя это несколько не мешает нам пользоваться известиями Тацита как достоверными. Формальная, фактическая, обрядовая сторона обычая у него описана почти всегда верно, только объяснения тенденциозны. Приданое, приносимое женихом невесте, продолжает римский историк, состояло не из туалетных принадлежностей, нравящихся женщинам, и не из нарядов: жених предлагал пару волов, лошадь со сбруей, щит, меч и фрамею. И эти подарки, по мнению Тацита, обозначают, что мужу и жене

³¹ Germ., 12.

должно жить одной жизнью, умереть одной смертью, что жена должна иметь свою долю в работе и обязанностях, которым подвергается муж.³²

Объяснение Тацита, конечно, тенденциозное. Гораздо вернее будет предположить, что пара волов, лошадь и оружие представляли не что иное, как покупную цену невесты – вено. В древности, как известно, монет не существовало и меновой ценностью служил скот. Легко может быть, что покупная цена, выплачиваемая женихом родителям невесты, впоследствии возвращалась ими в дом новобрачной, что и подало Тациту повод называть это приданым (*dos* – дар); во всяком случае, первоначальный смысл этих даров был именно такой. Покупная цена за невесту существовала не только у германцев, но у всех первоначальных народов. Браку предшествовала «покупка» жены. Плата производилась известным числом лошадей и коров, как и при всех других покупках. Но эта «покупка» отличалась от других тем, что цена ее определялась не спросом и предложением, а обычаем; обычай требовал, чтобы уплачена была женихом вира за будто бы похищенную девицу (вено), а размер виры зависел от сословия, к которому она принадлежала.

Невеста также дарит жениху что-нибудь из оружия, и это означает, по мнению Тацита (высказанному в только что читанном отрывке), символическое заключение связи на всю жизнь. Объяснение опять-таки идеализированное и тенденциозное. В сущности, это оружие, по большей части меч, вручает жениху не сама невеста, а ее отец или старший родич, вообще тот, кто имеет над ней власть, право опеки (*mundium*); подобно тому как вручение копья королю означало передачу верховной власти избранному лицу народом, так эта передача невестой оружия жениху означала передачу власти над ней ее будущему мужу.

Простолюдины имели обыкновенно одну жену, князья и знатные имели их иногда несколько. У некоторых племен после смерти мужа; жена уже не могла выходить замуж во второй раз; у греков, например, вдовы даже вешались при гробе мужа. Неверность жене или нецеломудрие свободной девушки наказывалось жестоким образом, но равным образом и насилие, совершенное над свободной девушкой мужчиной. Так, один закон позднейшего времени определяет, что такому мужчине должен был вбит в сердце дубовый кол и что изнасилованная девушка должна сама при этой мученической казни нанести три первых удара.

Строгому наказанию подлежал даже тот, кто непристойно и грубо касался груди и волос свободнорожденной женщины.

Но Тацит, хотя и идеализировал вообще быт германцев, не скрыл, однако, другую, менее идеальную сторону их семейной жизни.

На женщине, говорит он, лежит главная тяжесть полевых и домашних работ; мужья предпочитают вести праздную и веселую жизнь, проводить время на охоте, в играх, пирах и попойках, на которых они в огромном количестве уничтожают свой любимый напиток – пиво, которое они, по выражению Тацита, «портят» из ячменя (*«Potui humor ex hor-deo aut frumento, in quamdam similitudinem vini corruptus»* – Germ., 23).

Судя по некоторым указаниям Тацита и других, можно подумать, что женщина принимала известное участие в делах войны. Так, Тацит говорит в VIII главе «Германии», как нередко отступающие, сломленные врагом войска снова обретали храбрость благодаря мужеству и энергии женщин. Также Дион Кассий рассказывает, что во время нападения германцев на Рецию при императоре Марке Аврелии на поле сражения между трупами найдены были тела вооруженных женщин («Римская история», кн. 31, гл. 3, 2–4). Флавий Вописк в биографии Аврелиана говорит о десяти вооруженных и переодетых в мужское платье девушках, взя-

³² «Hoc maximum vinculum, haec arcana sacra, hos coniugales deos arbitrantur. ne se mulier extra virtutum cogitationes extraque bellorum casus putet, ipsis incipientis matrimonii auspiciis admonetur venire se laborum periculorumque sociam, idem in pace, idem in proelio passuram ausuramque hoc data anna denuntiant. sic vivendum, sic pereundum: accipere se quae liberis inviolata ac digna reddat, quae nurus accipiant rursusque ad nepotes referantur» – Germ., 18.

тых в плен во время битвы. К такому же разряду примеров принадлежит упоминания у Saxo Grammaticus.

Но все это указания частного характера, и они не дают нам права выводить общее заключение. Сам Тацит не упоминает о деятельном участии женщины в битве; он говорит только (в VII главе), что жены и даже дети следовали обыкновенно за мужьями и отцами во время походов, находились вблизи сражающихся, поощряли их своими криками, перевязывали раны, приносили пищу и питье. В этом нет ничего удивительного: не только древние германцы, но и все первобытные народы, отправляясь в поход, брали с собой семью и весь домашний скарб; все это перевозилось на больших телегах, из которых составлялось нечто вроде обоза (Wagenburg), следовавшего на некотором расстоянии от войска.

В этом «вагенбурге» и находились жены, матери, сестры и дети воинов, занятые обыкновенно исполнением обязанностей маркитанток и сестер милосердия, и своей энергией они часто поддерживали ослабевший воинский дух мужчин. Иногда случалось, что они с помощью сторожевых собак, всегда их сопровождавших, выдерживали нападения врагов. Вообще женщина пользовалась у германцев уважением (Germ., 7, 8, 18, 20).

Скажем теперь несколько слов о положении детей у германцев. Мальчик считается малолетним до 12–13 лет. Когда он достигал этого возраста, его приводили в общее собрание и торжественно вручали ему копье (фрамею). Этим обрядом (Verhaftmachung) его признавали способным носить оружие: юноша, получая возможность сам защищать свое право в суде, мог участвовать в военном ополчении, платить виру и получать часть ее, если убивали члена его рода; мог жениться и быть попечителем (Vormund) другого. Но фактически после этого признания совершеннолетия он, разумеется, еще не мог пользоваться всеми правами и вполне распоряжаться собой. Такие юноши часто отдавались под защиту (Mund) какого-нибудь взрослого и значительного лица, которому служили как оруженосцы, чтобы приучиться к военному делу и выказать свою храбрость. Эта школа, которую юноше надо было пройти для достижения полноправия, иногда была весьма тяжела; очень часто с неофитом обращались весьма сурово. Так, у герулов он должен был сражаться без оборонительного оружия – щита до тех пор, пока не докажет вполне своей храбрости. У хаттов юноши не могли стричь волосы на голове, не брили бороды и носили железное кольцо на руке до тех пор, пока не убьют неприятеля (Germ., 31). Когда юноша достаточно доказал свою храбрость, ему вручали щит, и тогда он отпускаясь со службы и становился полноправным членом государства.

Признания полной зрелости можно было достичь не только на войне, но и выказав свою храбрость на охоте.

Часто бывало, что уже в том самом собрании, в котором заявлялось совершеннолетие или, лучше, выход юноши из детского возраста, полагалось вместе с тем основание для службы его у другого лица в виде оруженосца. Именно обычай допускал, чтобы при Verhaftmachung не сам отец давал оружие сыну, а поручал исполнение этого обряда другому. Тогда этот акт представлял собой не только emancipatio, но и adoptio. Юноша выходил из под власти отца и вступал «под руку» того, кто совершал над ним обряд. В обряде Verhaftmachung имеет, по мнению некоторых ученых, свой зародыш рыцарский обряд посвящения, и это справедливо. Следует только заметить, что, может быть, обряд ударения мечом (ritterochlad) при посвящении в рыцари скорее соответствует второму вручению оружия, в частности щита, о котором было говорено выше.

Упомянем еще о погребальных обрядах германских и затем изложим в самых общих чертах их народные верования. Способ погребения у германцев был двоякий: они или сжигали трупы умерших, или предавали их земле. Нельзя сказать, чтобы распространение того или другого можно было различить хронологически или этнографически. Раскопки доказывают, что они существовали безразлично и одновременно у разных племен, так как часто в большом кургане находился и пепел в сосуде, и остов погребенного человека. Покойник предавался

погребению в своей одежде; если позволяли семейные средства, с умершим погребалось и сжигалось оружие и различная домашняя утварь. В могилах, которые раскрывают теперь во множестве, часто находят на ногах, на руках, на пальцах и на шее остонов кольца золотые или бронзовые, медные или железные; подле них обыкновенно лежали пряжки, пояса и другие украшения, стекло, янтарь, глиняные и костяные изделия. Отсюда видно, что слова Тацита о погребальных обрядах, а особенно об отсутствии в них всякой пышности (*funerum nulla ambitio* – Germ., 27), о том, что германцы не кладут на костер ни дорогих материй, ни благовоний, не совсем точны. Напротив, при сожжении костер украшали оружием и платьем умершего, об этом, впрочем, как бы в противоречие себе же, упоминает и Тацит (там же – Germ., 27), убивали при костре его коня, его охотничью птицу – ястреба, а иногда и еще какую-нибудь певчую птицу. Наконец, умерщвляла себя иногда и жена, которая хотела следовать за мужем в царство мертвых, или его любимый слуга. Так, например, в Эдде рассказывается, что когда умерла Брунгильда, то вместе с ней были сожжены тринадцать ее служанок и один слуга.¹⁵ У греческого писателя Прокопия есть также указания на факты подобного рода (*Procopii. De bello gothico. VI (II). 14, 25*).

Этот обычай, кажущийся нам верхом жестокости, был связан с суровой религией германцев, краткий очерк главных оснований которой мы теперь и сделаем в заключение нашего обозрения главных сторон быта будущих разрушителей Римской империи. Да и нужно сказать, что вопрос этот далеко еще не хорошо и достоверно исследован, так что трудно было бы изложить его вполне основательно. Обращаясь к свидетельству Тацита, мы видим, что он называет германских богов теми же римскими, латинизированными именами, которыми Цезарь называл богов галльских. «*Deorum maxime Mercurium colunt, cui certis diebus humanis quoque hostiis litare fas habent*», – говорит римский историк Тацит (Germ., 9).

Под этим Меркурием мы, по всей вероятности, должны разумеать особенно почитавшегося у многих германских племен саксов, данов – Одина или Бодана (*Wuotan, Wodan*). Замечание это может быть выведено посредством смешения германских названий дней недели с латинскими. В IV веке германцы приняли от своих соседей кельтов обычай называть дни недели по именам богов, подставив, конечно, на место кельтских имена своих собственных соответствующих божеств. Таким образом, в сохранившемся до нашего времени английском названии среды – *Wednesday* – мы ясно можем видеть следы имени Одина. В датском языке сходство сохранилось еще яснее: среда называется у них *Onsdag* – очевидно сокращение из *Odinedag*. Имя Одина было поставлено на место римского Меркурия (*dies Mercurii*), уже усвоенного кельтами, имя которого сохранилось во французском названии – *Mercredi*.

Тени умерших, в сопровождении которых Один, бог грозных сил природы, бури и молнии, представлялся воображению германцев, дали повод приравнять его к Гермесу, Меркурию, провожавшему, как известно, в подземный мир тени умерших. Другой бог, упоминаемый Тацитом, – *Mapс* («*Martern concessis animalibus placant*» – Germ., 9) – может быть приравнен к германскому *Ziu* или *Tyю*, преимущественно почитавшемуся у свевов-хаттов, которые сами прежде назывались *Ziuvagi*, то есть служители, поклонники *Ziu*. Следы этого мы можем видеть в английском названии вторника – *Thursday*, англосаксонском *Tivesday*, швабском и баварском *Zisdag*, немецком *Dienstag* (это слово очевидно и происходит от *Dienst* – служба).

Третий бог, составлявший вместе с двумя первыми германскую трицу, *Тор* (*Thor, Tug*) – бог грома, сопоставленный у Тацита с Геркулесом, вероятно по сходству атрибутов, приписывавшихся одинаково германскому богу и греко-римскому герою палицы и молота. И его имя сохраняется в английском названии четверга *Thursday*, саксонском *Torsday*, немецком *Donnerstag*. Из женских божеств упомянем *Фрею* (Фрейя, Фрия), имя которой доныне сохранилось в английском *Friday*, в датском *Fredag* и в немецком *Freitag* (названия пятницы).

Остальные божества не представляют особенной важности и интереса. Гораздо большее значение для определения степени культуры германцев имеет упоминание о человеческих жертвах, приносимых этим богам, и особенно Одину.

Германская религия имела по преимуществу характер мрачный, суровый, не смягчаемый даже культом более мягким светлых богинь, подобных галльским *dames blanches*. Божества германцев являются кровожадными, жестокими, силой требовавшей для поклонения ей человеческих жертв. Эти жертвоприношения ставят обыкновенно в особенно резкий упрек германской религии, которую даже называют «религией крови». Упрек, впрочем, совсем безосновательный. Человеческие жертвы составляли общее явление в первобытных религиозных культах всех народов арийского корня. Разница состоит только в том, что у других народов под влиянием изначально более мягкого характера обряда или иных общественных условий жертвы эти исчезают гораздо раньше, чем у германцев, которые сохраняли сей кровавый обычай довольно долгое время. Мы имеем сведения, что даже в VII веке германцы, уже принявшие христианство, продавали своим соседям, еще язычникам, рабов для жертвы. Об этом обычае упоминает св. Бонифаций (*Bonifacius*), апостол Германии. Саксы, которые в V веке опустошили набегами северное побережье Галлии и вторглись глубоко внутрь страны, после победы приносили своим богам в жертву каждого десятого пленника.

В большинстве случаев жертвой служили рабы и военнопленные, но иногда свободные люди и даже царские сыновья. В одном памятнике с острова Готланд говорится, что весьма долго сохранялся обычай приносить в жертву сыновей и дочерей.

Римляне оставили нам ужасающие описания этих жертвоприношений у кимбров и тевтонов, где исполнителями кровавого обряда являлись престарелые женщины. В белых одеждах, перехваченных металлическими, обыкновенно железными поясами, с распущенными по плечам редкими прядями седых волос, с босыми ногами, женщины подвели жертву к громадному металлическому котлу, который считался великой народной святыней. Одна из них всходила по лестнице, поднятой высоко вверх над краем котла на скамью, наклоняла голову несчастной жертвы и рассекала горло обреченному на ужасную смерть. Вытекающая быстрой струей из раны кровь служила средством для гадания о будущем.¹⁶

Суровым чертам древнегерманской религии в известной степени соответствовали и суровые нравы, с которыми мы и познакомились раньше. Все это важно при изложении истории столкновения варварского мира с миром римским.

Свести сразу к немногим общим началам все хорошие и дурные черты быта германцев довольно трудно. Мы постарались в своем изложении осветить основные точки зрения, с которых должен рассматриваться вопрос о социальном и государственном строе германцев, и пока должны ограничиться сказанным; но нам придется вернуться еще раз к этим вопросам, когда мы будем говорить о взаимодействии двух миров: варварского и римского; когда они придут в соприкосновение, тогда мы ближе познакомимся с чертами их уже изменившегося быта из описания Григория Турского и других источников. Но не следует упускать из виду, какой является нам Германия у Тацита, как изображается характер и жизнь ее населения в описании даровитого историка древности.

Многое пока еще не развито в быте племен, многое еще сурово и дико, но кое-что уже смягчено, явились первоначальные, своеобразные формы социального организма, которые, как известно, нелегко даются каждому первобытному народу, переживающему долгие и темные годы своего младенчества, но которые уже сулят ему прочное и жизненное будущее и изучение которых чрезвычайно важно для познания социологических законов вообще и для понимания быта других народов в частности.

II. Борьба двух миров и возрождение империи

Маркоманнская война

Познакомившись в главнейших чертах с германцами и их бытом, нравами и строем жизни, перенесемся опять на римскую почву, проследим в ее главнейших моментах историю столкновений, которые должны были окончиться роковым смертельным ударом, уничтожившим последнюю искру жизни в умирающем теле так недавно еще всемогущей всемирной империи.

Не будем говорить о многочисленных, мелких, однообразных и утомительных подробностях первоначальной борьбы римлян с германцами до Августа, во время его царствования и вскоре после, а остановим наш взгляд только на том периоде борьбы, который начинается со времени Марка Аврелия и открывается первым после Тевтобургской катастрофы¹ видным событием в отношениях римлян с германцами.

Европейскую границу Римской империи составляли реки Рейн и Дунай. На этой границе для защиты территории империи от нападений германских варваров была расположена огромная армия, состоявшая из войск регулярных (легионов) и иррегулярных (союзников) численностью в 100 000 человек и разделенная на два корпуса – южный и северный. Майнц (Mogontiacum) был главной квартирой верхнерейнского корпуса, Castra Vetera – главной квартирой корпуса нижнерейнского. После того как проведен был знаменитый пограничный вал от Кельгейма (Keklheim) близ Castra Regina (ныне Regensburg на Дунае) до Кобленца на Рейне на границе оставлено было 50 000 войска. Укрепления по этой линии начаты были, как вы помните, еще при Друзе и Тиберии. Траян² в 97-992 годах приказал насыпать громадный вал, который был дополняем и укрепляем его преемниками и отчасти сохранился в развалинах до наших дней. На протяжении 70 немецких миль (490 верст) извилистой ломаной линией тянулся он от Рейна до Дуная. Римляне называли его *limes, palus, vallum*; от *palus* явилось германское *Pfahl*, сохранившееся в именах многих городов и местечек (*Pfahlbrome, Pfahlheim, Pfaheheim, Pfahldoef*); весь вал у позднейших германцев носил название *Pfahlgraben*, или просто *Pfahl*, или *Tenfbelsmaner* (Чертова стена).

Восточную половину вала составляла римская военная дорога, на несколько футов возвышающаяся над остальной поверхностью и защищенная сторожевыми башнями, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга. Западная половина, по Неккару, Майну и Рейну, представляла обширную земляную насыпь в 16 футов высоты; впереди вала был широкий ров, в промежутке, при подошве вала – стена или острог из крепкого тына заостренных кверху, вколоченных в землю бревен. Позади находились укрепленные сторожевые башни, по одной на каждую милю.³ Простираясь на такое большое расстояние, вал очевидно не представлял непреодолимой преграды, не мог быть везде одинаково хорошо защищаем, и вообще служить преградой для вторжения варваров; но все-таки он служил для римлян весьма полезной сторожевой линией.

Римляне удерживали за собой вал до конца III века. Таким образом, в продолжение 200 лет ограждаемая им территория принадлежала к Римской империи, и до сих пор она наполнена остатками римской культуры. Население, жившее здесь, было вполне романизировано. Эта область, занимаемая ныне Вюртембергом и Баденом, в римское время называлась Десятинные поля (*Agri decumates* – см. Germ., 29).

Для нас важно не столько военное, сколько культурное значение римского пограничного вала и охранявшей его линии легионов. Римский легионер являлся носителем культуры

(Kulturträger) в завоеванных странах в первые четыре столетия нашей эры; позднее эту миссию выполняли средневековые монашеские ордена. Canabae – поселения при постоянных лагерях римских легионов – обращались в солдатские посады, большие торговые села и, наконец, в цветущие городские общины. Кроме того, приток колонистов, преимущественно состоявших из людей беспокойных, но вместе с тем и предприимчивых людей с капиталом и знаниями, наполнил пограничные местности при военных дорогах и внутри вала густым народонаселением. Бавария, Вюртемберг и Баден украсились римскими городами, селами, виллами. Течение рек было отрегулировано, болота осушались, леса прорезались дорогами и просеками, открывались каменоломни и рудники.

Бани, храмы, гостиницы, мастерские, театры свидетельствуют нам сейчас своими развалинами о былом процветании края; цирюльники, торговцы, писцы, ремесленники и ученые переносили на Рейн и Дунай удобства и наслаждения культурной жизни.

Кроме главных городов существовало еще множество мелких пунктов, и теперь остающихся свидетелями тогдашнего утонченного городского быта. Сохранившиеся памятники вводят нас в мир идей и чувств, которые некогда одушевляли здешнее население. Особенно интересными являются следы занесенного сюда с Востока культа бога Митры, обряды которого имеют много сходного с христианскими обрядами и который именно в силу нравственной чистоты своих догматов дольше всех других противостоял распространению нового учения. До сих пор еще существует много остатков алтарей и капелл с изображением Митры, свидетельствующих о значительном распространении восточного культа в этой местности.

Из Италии перенесено сюда возделывание культурных растений – садовых цветов, плодовых деревьев, виноградной лозы. Все это не оставалось, конечно, без влияния и на соседей – германцев, которые усваивали черты римского хозяйства, римскую утварь и домашние принадлежности. Римские купцы проникали внутрь Германии; точно так же, как и legionеры, они являлись там носителями греко-римской культуры. Но сами германцы не пользовались безусловным разрешением переходить через границы и поселяться навсегда или на время на римской территории: они пользовались этим правом только в отдельных местах и в определенное время. Только гермундуры составляли исключение, и им, предпочтительно перед всеми другими племенами, дозволялось вступать даже в Augusta Vindelicorum (Аугсбург).

Иногда между соседями происходили легкие столкновения и ссоры; римляне делали частые, хотя недалекие походы на германскую почву, но крупных столкновений не было до известной Маркоманнской войны, которая нанесла первый удар дунайской границе и вместе с тем всей римской пограничной защите.

Маркоманнская война (167–180 гг.) была большим наступательным движением германских племен на Римскую империю. Название это, собственно говоря, неточно, так как, кроме маркоманнов, сидевших на Дунае, участвовали квады, жившие за маркоманнами в Богемии, Моравии и верхней Силезии, и другие многочисленные народы: гермундуры, буры, виктогалы, вандалы и даже племена не германские, например язиги – сарматское племя, кочевавшее в низменных равнинах Дуная и Тейссы.

Театром войны была нижняя Австрия, Штирия и верхняя и средняя Венгрия. От Регенсбурга до самого устья Дуная сторожевая римская линия была под угрозой многие годы со стороны варваров, осевших здесь в невиданном еще до тех пор количестве. Между ними не было твердого единства и постоянного союза; то один, то другой народ вступали в борьбу с Римом, а иногда и несколько племен заключали временный союз для действий против империи. Точно так же нередко случалось и наоборот, что часть варваров вступала в соглашение с Римом и боролась против своих прежних союзников и соотечественников. Так, например, язиги и буры, заключая мир с Марком Аврелием, поставили непременным условием, чтобы Рим продолжал войну против квадов и маркоманнов. Вандалы-асдинги предлагали свой союз и готовность вести войну против других германцев, если римляне отведут им за то землю для поселений.

Подобные факты случались нередко; это не была одна большая война, а ряд войн, которые находились только в фактической связи между собой. Один какой-нибудь народ нападал, война была удачна, и соседи, соблазненные успехом, предпринимали в свою очередь подобный же поход.

Маркоманнская война началась в 167 году нападением маркоманнов и квадов, которые вторглись на римскую территорию, осадили Аквилею и доходили почти до нынешней Венеции. Провинции Реция, Норик, Паннония, Иллирия страшно пострадали: при заключении мира было выдано врагам до 20 000 пленных римлян.

Сам Рим был в большой тревоге. Император Марк Аврелий собрал жрецов и гадателей, стали совершать таинственные обряды и умиловивляли богов жертвоприношениями. Ввиду опасности вооружили даже гладиаторов и рабов. Нападение было остановлено, враги отступили назад. Но борьба скоро вновь началась. Три года сряду, от 171 до 174 года, император провел на театре войны в стране квадов. Город Карнунт (несколько ниже нынешней Вены по Дунаю) был его главной квартирой. Во время зимних кампаний, на берегах Грана (приток Дуная), среди монотонных равнин Венгрии он писал свои знаменитые «Размышления».

В это время отдельные отряды врагов все прибывали и прибывали. 173 год (или 174 по другим источникам) особенно замечателен. Марк Аврелий и его войско, окруженное квадами в безводном месте верхней Венгрии, к западу от реки Гран, терпели страшный недостаток в воде. В минуту полного изнеможения войска вдруг поднялась буря, полил дождь, освежил и утолил жажду умирающих солдат. В одном и том же месте с неба проливалась вода и бушевал огонь: римлян освежала вода, а там, где были варвары, дождь только усиливал пламя. Римляне оживились и с новым ожесточением напали на квадов и выиграли битву, которая изменила ход целой войны.⁴ На основании этого события создались две легенды: языческая и христианская, на которые различные ученые совершенно напрасно опираются в некоторых своих выводах об отношении Марка Аврелия к христианству. Квады были окончательно разбиты. Вслед за ними стали просить мира и другие племена; о союзе и общем соглашении между ними не было и речи. Каждый вел переговоры сам за себя. Условия со стороны варваров были сходны, но, однако, в частностях не одни и те же. Так, язиги выговорили себе позволение проходить через римскую провинцию Дакию чтобы вести переговоры с роксоланами (народом, жившим в нынешней Буковине). Правда, для этого они должны были просить разрешения у римского наместника провинции. В роксоланах некоторые ученые неправильно видят руссов; это были удалые конники, одетые в блестящие панцири, которые вели кочевой образ жизни; по характеру они совсем не похожи на славян, которые имели постоянные жилища и занимались земледелием. Одним из условий мира было разрешение варварам селиться вблизи северного берега Дуная, на пограничной с римлянами территории, но с различными ограничениями: жилища их должны были находиться на расстоянии 7 верст от берега, острова не должны быть заселены или занимаемы под поля и пастбища, судам не дозволялось плавать по Дунаю. Для торговли назначены были также определенные местности. Кроме того, многочисленные римские крепости и гарнизоны расположились на границе и внутри – на территории самих варваров.

Эти гарнизоны явились причиной возобновления войны. Квады, не желая выносить притеснений, попытались выселиться к семнонам (Sem-nones), путь их лежал по направлению к нынешней Праге, но были остановлены. Тогда они вместе с маркоманнами принесли жалобу императору, и, когда она осталась без последствий, вскоре, в 178 году возобновилась война. Марк Аврелий отправился на Дунай, боролся с успехом против различных племен, но в 180 году умер в пограничной крепости Виндобона (ныне Вена).

Сын его Коммод продолжал борьбу, но в то же время сумел склонить на свою сторону несколько племен и деньгами,⁵ и таким образом ему удалось в том же 180 г. заключить мир на прежних условиях, то есть на условиях 175 года, но с тем отличием, что римляне оставили

свои укрепленные места в земле варваров, а маркоманны дали обещание не собирать общего веча больше одного раза в месяц и в определенном месте под надзором римских чиновников.⁶

Маркоманнская война послужила прелюдией того великого мирового события, которое положило конец существованию великой империи древнего мира, после которого выступают в качестве действующих лиц на расширившуюся сцену всемирно исторической драмы новые германские и романские, а позднее и славянские народы. Это событие обыкновенно называется Великим переселением народов.

Прежде чем приступить к изложению самой истории Великого переселения, укажем на главные пособия, из которых мы черпаем сведения. Первым назовем один труд бывшего военного, генерала Виетерсгейма; получив классическое образование, он занимался изучением этого интересного периода и, выйдя в отставку, издал результаты своих занятий. Заглавие его труда: *Wietersheim E. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig, 1859–1864*, всего четыре тома. Первые два тома, посвященные изложению судеб римской империи, написаны слабо и не имеют прямого отношения к нашему предмету. Но последние два составлены основательно и имеют большое значение.

Справедливая оценка известного научного значения труда Виетерсгейма побудила известного ученого Феликса Дана (*Dahn F.*), между прочим автора исторического романа «Борьба за Рим», переработать его, воспользоваться богатым материалом, заключенным в сочинении Виетерсгейма, и придать его труду вполне научную форму. Это, переделанное Даном, сочинение Виетерсгейма вышло в 1880 г. в двух томах и представляет чрезвычайно интересный исторический труд, обнимающий собой довольно значительный промежуток времени (*Wietersheim E., Dahn F. v. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig, 1880. Bd. 1–2*).

Потом укажем на труд Пальмана (*Pallman R.*) «*Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung bis zum Tode Alarichs*». *Gotha, 1861–1864. 2. Bd.* Сочинение это имеет более специальный интерес: автор преимущественно занимается готами. Первый том весь посвящен готам, второй – народам готской ветви (герулам и другие), явившимся в Италию с Одоакром. Труд самого Дана (*Dahn F.*) «*Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker*».⁷

Кроме названных сочинений можно указать еще на некоторые статьи, разбирающие этот вопрос, например на статью Платнера (*Platner C.*) «*Über die deutschen Völkerzüge zur Zeit Wanderung*» (*Forsch. Dt. Gesch.*)⁸

Указанием на эти пособия пока и ограничимся; более подробные указания на литературу мы будем иметь возможность делать ниже, по мере того, как будем излагать отдельные частные фазисы Великого переселения народов.

Первый период Великого переселения народов

Маркоманнская война была прологом начавшегося постоянного напора германцев на границы империи. Движение германцев на юг началось еще раньше, потом затихло на время, и Маркоманнская война представляет первый факт, свидетельствующий о возобновлении этого движения после долгого перерыва со времени Августа.⁹ Таким образом, эта война находится в связи с тем огромным движением германских племен, наводнявших в течении III и IV столетий пограничные провинции империи, а в V веке проникших, наконец, в самые отделенные углы ее и образовавших там новые государства, которое и называется Великим переселением народов. Поэтому нужно думать, что этот фазис переселения некоторых германских племен тесно связан с передвижениями других народов, живших к северу от маркоманнов, и Шафарик утверждает, что Маркоманнская война явилась следствием напора на эти племена народов славянских.¹⁰ Знаменитый славянский ученый опирается на известие не особенно выдающегося латинского писателя Юлия Капитолина в его биографии Марка Аврелия (сведе-

ний о Маркоманнской войне у нас вообще мало и они заимствованы из «Scriptores historiae Augustae»), который прямо говорит, что маркоманны и квады двинулись на римские границы только потому, что их теснили другие народы с севера. По мнению Шафарика, эти народы были славяне. Но он едва ли прав; он слишком широко понимает распространение славянского племени. Скорее напор готов, движение которых от Балтийского моря к Черному должно было начаться около 150 года, сказался в Маркоманнской войне. Это предположение делается тем более вероятным, потому что известно, что некоторые племена готской группы, например вандалы, причисляемые к готской семье на основании прямого свидетельства Прокопия, участвовали в войне. Вандалы явились с востока – это был передовой отряд готского движения, и, если предположить тут славянское движение, его несомненно нужно ставить на задний план и Маркоманнскую войну объяснить как отражение других передвижений, которые уже тогда совершались в странах более северных, в глубине тогдашнего варварского мира – то есть нынешней России и Польше. Действительно, несколько десятилетий спустя после этой войны мы уже замечаем постоянный напор германцев на римские границы. Так что историю Великого переселения народов отнюдь не следует начинать, как обыкновенно делают в общераспространенных учебниках, с 375 года и нашествия готов; первый период его начался гораздо раньше; оно открылось с начала III века, вскоре после Маркоманнской войны.

Для нас, конечно, важно сначала вдуматься в причины переселения – *Völkerwanderung*.

Прежде всего нужно заметить, что самое понятие «*Völkerwanderung*» может возбудить недоразумения: оно вызывает представления о каком-то блуждании, кочевании полудикого племени, но этого, конечно, быть не могло: германцы в описаниях Тацита являются народом оседлым и странствование или кочевание никак не могло представлять характерной черты германского быта.

Прежде ученые, например Ф. Гизо, объясняли германский «*Völkerwanderung*» отличительными чертами дружинного быта: удалые дружины, утверждали они, поднимались со своих мест, устремлялись в новые страны; по дороге увеличиваясь в числе, они образовывали целые дружины-народы и основывали новые государства. Теперь этот взгляд вполне опровергнут; у нас есть ясные доказательства, что дружины, во-первых, не были многочисленны, а во-вторых, не выходили из обычных рамок германской общественной жизни. С другой стороны, мы имеем верные указания на то, что целые германские племена, с женами и детьми, со всем домашним скарбом, со скотом, обозами и всем движимым имуществом иногда вдруг подымались со своих мест и отправлялись в путь искать новых земель. Иногда отдельный народец (*civitas Völkerschaft*) при этом распадался, связь между его волостями (*Gau*) уничтожалась: одни из них оставались, другие подымались всем родом, забирали все имущество и уходили в новые места. Это было особенно свойственно, по мнению Платнера, вандалам.

Таким образом, в только что описанном явлении мы наблюдаем весьма своеобразное противоречие: с одной стороны, видим, что племя живет оседло на определенных местах, с определенными занятиями, в постоянных жилищах и с известной организацией; с другой стороны, замечаем, что временами все племя подымается и стремится вперед, неизвестно куда, отыскивая новое отечество. Как же объяснить это с первого взгляда непонятное явление?

Для этого обратимся к теории Дана, которая сначала может показаться парадоксальной, но на самом деле прекрасно объясняет сущность вопроса. Она изложена в обширной статье в его сборнике «*Bausteine gesammelte Kleine Schriften*» (Berlin, 1879), а потом повторена во введении к переработанному изданию труда Виетерсгейма.

Великое переселение народов, думает Дан, есть последний шаг, заключение старого развития, последнее колебание волны в движении, продолжавшемся столетия. Не в Европе началось оно, а в Азии. Большое выселение германцев из Центральной Азии через Кавказ и вверх по Дунаю временно и на несколько поколений приостановилось после того, как оно уперлось на юге при Дунае и на западе при Рейне в железную стену римского могущества. Пока плотина

оставалась крепкой и не подгнила внутри, она исполняла свою службу и дикий поток был неподвижен. Но как скоро сила сопротивления ослабела – и не столько вследствие внешнего напора, сколько вследствие внутренней порчи, волны опять пришли в движение, затопили преграды, проникли внутрь империи, и понадобилось триста лет, чтобы все снова пришло в порядок.

Ф. Дан утверждает, что одновременно с начавшимся упадком внутри Римской империи начала действовать и другая причина внутри германских племен, теснившихся у пограничного вала между Дунаем и Рейном: именно, в промежуток времени, занятый остановкой движения германцев на римских границах, совершился в их среде переход к преобладанию земледельческой жизни, к оседлому земледелию. Все арийские народы еще в незапамятные времена, когда они еще жили вместе в средней и северной Азии, достигли обща известной степени культуры. Они жили преимущественно скотоводством и охотой, хотя им уже были известны зачатки поверхностного, первобытного, безыскусственного и непостоянного земледелия.

После истощения своих пастбищ или истребления дичи на тех пространствах, где они останавливались, они легко меняли жилища. Без сожаления и без горести они расставались с поселениями и с полями, на обработку которых не было потрачено большого труда; собирали они своих жен и детей, небольшой домашний скarb, пожалуй, и самые легкие деревянные хижины или палатки из дубленых кож, помещая все это на широкие телеги, запряженные волами, и отправляли их вперед, куда глаза глядят, по направлению, которое указывалось полетом птиц либо небесными знаками или же определялось необходимостью отступления перед следующим по пятам более сильным соседом. Так в продолжение столетий, без определенной цели, от одной речной области к другой, с одного пастбища к другому двигались германцы, только в целом и постепенно все более и более теснимые на запад; обратное движение было закрыто надвигающимися с востока массами других племен (готов, славян и монголов).

Германцы остановились перед преградой римских укреплений и легионов, пока еще непреодолимых. И в этот-то промежуток времени, когда римляне впервые познакомились с ними и когда главнейшие черты их строя нашли себе мастерские описания в сочинениях Цезаря и Тацита, совершился в их быте переход от первобытного земледелия к оседлому, и немедленно после этого обнаружился необыкновенно сильный прирост населения. Дан утверждает, что эти два явления – переход к оседлому быту и быстрое увеличение населения – тесно связаны природой как причина и следствие и составляют естественный закон. Он говорит об этом вполне определенно, но любопытно было бы проверить этот закон на примере других народов.

Успехи земледелия, продолжает Дан развивать свою теорию, не могли идти параллельно с увеличением населения; плодов еще было слишком мало для того, чтобы прокормить молодые многочисленные поколения, и различные указания некоторых писателей того времени (например, Иордана) на голод имеют полное основание. Вопрос о том, как плодородная земля, которая прокармливает теперь гораздо большее количество людей, не могла тогда дать средства к жизни для сравнительно меньшего количества народа, Дан ставит в связь с объяснением тогдашнего хозяйства, тогдашней обработки земли. Каждому племени нужно было очень много земли, причем значительная часть не обрабатывалась совсем – это широкая пограничная полоса марки, покрытая лесом или пустырями, другая же, менее значительная, также не засеивалась, а занята была общинной землей (Allmende) – выгонами, лугами и пастбищами; и только сравнительно незначительная доля земли, розданная отдельным лицам (Дан признает отдельную личную собственность пахотной земли), засеивалась хлебом. Обрабатывать землю не умели так, чтобы плодородие ее усиливалось, между тем число членов семейств росло и стал чувствоваться недостаток в земле.

Сначала можно было пополнять этот недостаток расчисткой части леса и осушением болот, но это дело при первобытном состоянии обработки подвигалось вперед трудно и медленно и тянется очень долго. В Германии это длится в течение всех Средних веков и деятельно

применяется позднее монахами и нижнегерманскими колонистами. Также можно было отрезать части от общинной земли и тем самым увеличивать наделы частных лиц, но тогда являлось другое затруднение – постоянно происходили столкновения желаний отдельных лиц на землю с правами на нее всей общины.

Таким образом, Дан приходит к окончательному выводу, что в те времена при переходе германцев к оседлому земледелию, вместе с которым обнаружился сильный прирост населения, за которым успехи земледелия не могли поспевать, очень легко мог сказаться недостаток в земле и появиться первые признаки голода – и это-то последнее и было главной движущей силой, поднявшей германцев с насиженных уже отчасти мест и заставившей их двигаться опять бурной волной на юг и на запад.

Мнение Дана нужно признать глубоко верным, оно в большинстве случаев подтверждается частыми упоминаниями писателей о том, что германцы постоянно просили римлян выделить им участки на римской территории, на которых они могли бы поселиться, причем готовы были нести весьма значительные повинности. Нужно только сделать оговорку относительно неверного взгляда Дана на господство частной поземельной собственности у германских племен; впрочем, это ошибочное мнение в данном случае неважно, оно не нарушает правильности теории. Недостаточность наделов при увеличении населения, которую Дан объясняет бесконечным дроблением участков, могла почувствоваться и при общинном землевладении, особенно если оно не сопровождалось периодическими переделами общинной земли. Новгородцы колонизировали север России при общинном землевладении¹ и так же положено было начало распространению русского племени в Сибири. Вот в чем состоит, по мнению Дана, к которому мы охотно присоединяемся, главная причина Великого переселения. Дан не отвергает и другой причины, часто выставлявшейся историками как главная, именно напора других племен и между ними славянских с Востока, который и заставил усевшиеся было в Средней Европе племена обрушиться на Римскую империю. Это явление, несомненно, существовало и все места, очищенные германцами, ушедшими на юг, занимали другие племена, напиравшие на них с северо-востока. Так, когда снялись с места племена, населявшие первоначально пространство между Вислой и Эльбой, эти очищенные земли в VII и VIII веках оказываются уже занятыми славянами. Это обстоятельство имело то значение, что лишало возможности германцев вернуться назад и оставляло единственный путь – прорвать плотину римских пограничных укреплений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.